

Вокруг Света

№ 3
ПОЛЯРНЫЙ

На снимке: Подъем советского
флага на крайнем севере (о-в
Нордбрун, мыс Флора. Лето 1930г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“,
СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

БОРЬБА МИРОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Два мира. Две силы. Отмирающий капитализм и социалистическая система. Капиталистические страны охвачены жесточайшим кризисом. Закрываются фабрики и заводы, лопаются банки, идут с молотка разорившиеся крестьянские хозяйства. Рабочие среди изобилия, созданного их руками, умирают с голода. Социалистическая система не знает кризиса. Каждый день вступают в строй все новые и новые заводы, растут новые города. Главная и основная задача журнала **„БОРЬБА МИРОВ“** — показать во весь рост эти две системы, показать революционную борьбу рабочих в капиталистических странах и участие в этой борьбе зарубежного комсомола.

Латвийские палачи убили комсомольца Гедриса. Умирая, Гедрис сказал: „Убьют нас, но разве можно убить комсомол! За нами идут другие. С каждым днем нас все больше и больше. Наши силы растут“.

Зарубежный комсомол несмотря на жесточайший террор ведет героическую революционную борьбу. Наша задача — показать зарубежный комсомол, его рост, его работу, его борьбу, его победы.

Журнал **„БОРЬБА МИРОВ“** должен показать две техники, рассказать о нашем враге, о вооружении буржуазии, о борьбе на научном фронте.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ЖУРНАЛ „БОРЬБА МИРОВ“:

На 12 мес. — **5 руб. 40 коп.**

На 6 мес. — **2 руб. 70 коп.**

На 3 мес. — **1 руб. 35 коп.**

Цена отдельн. номера **50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: всеми организаторами подписки на заводах и фабриках, во всех почтовых отделениях, письмоносецами, ячейковыми работниками по комсомольской печати и уполномоченными **„Комсомольской правды“**.

Вокруг Света

№ 3.
ФЕВРАЛЬ 1932 г.

ЖУРНАЛ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ,
КРАЕВЕДЕНИЯ, ЭКСПЕДИЦИЙ,
ПУТЕШЕСТВИЙ
И НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ

**ИЗДАНИЕ
„КОМСОМОЛЬСКОЙ
ПРАВДЫ“**

Адрес редакции:
Ленинград,
Пр. 25 Октября, 3.

Выходит
2 раза в месяц

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Проф. Р. САМОЙЛОВИЧ
Штурм Арктики

М. А. ДЬЯКОНОВ
Полярный год

Беседа с С. С. КАМЕНЕВЫМ

Л. МУХАНОВ
Это было на Маточнином шаре

Гиляки, вогулы, долганы, ко-
ряки, ненцы, ульчи себе

Телеграммы с полярных зимо-
вок

В. ТОБОЛЯКОВ
Лимби

М. ЛОСКУТОВ
Рассказ о линии Б.

Ю. МАРК
Хибинский клад

Но всей трудящейся молодежи
(обращение исполкома КИМ)

Дневник пятилетки

1932 год — это второй международный полярный год. Летом в Арктику направляются одновременно экспедиции различных государств. На долю советских полярников выпадает львиная часть работы. Редакция „Вокруг света“ посвящает № 3 целиком вопросам освоения Арктики. Имя Роала Амундсена связано со многими героическими страницами борьбы за освоение Арктики. В условиях буржуазной конкуренции, в условиях бесплановых набегов на заманчивый Север, суливший многим авантюристам славу и пути к обогащению, Роал Амундсен сумел проделать большую научную работу, раскрыл многие тайны Арктики.

ШТУРМ АРКТИКИ

Статья зам. директора Арктического института, проф. Р. САМОЙЛОВИЧА, написанная специально для полярного номера „Вокруг света“.

Проф. Р. Самойлович.

Х ОЧЕНЬ ты знать, что ищут люди в той стране и почему они туда отправляются несмотря на большую опасность для жизни? Знай же, что три свойства человеческой натуры побуждают их к этому: во-первых, соревнование и склонность к известности, ибо человеку свойственно устремляться туда, где грозит большая опасность, благодаря чему можно приобрести известность. Во-вторых, любознательность, ибо свойством человеческой натуры является также стремление знать и видеть те местности, о которых ему рассказывали; человек хочет удостовериться, так ли там на самом деле, как ему сказали. Наконец, в-третьих, человеку свойственно любостыжание, ибо люди постоянно жаждут денег и добра и идут туда, где по слухам можно иметь прибыль, несмотря на грозящую большую опасность“.

Такой ответ дает известный автор замечательного памятника скандинавской истории „Королевское зеркало“ на вопрос: „что же искали путешественники в холоде среди льдов“.

Конечно, с нашей точки зрения, объяснение, которое дается скандинавцем, неправильно. Ясно, что основным мотивом, толкающим людей в арктические области, всегда было экономическое освоение этих отдаленных стран. Мы знаем, что не только у нас, но и в Скандинавии первой побудительной причиной путешествий на далекий север было обилие промыслов морского и сухопутного зверя.

Еще именитые новгородские люди, посадники и бояре, подстрекаемые прибыльными морскими и речными промыслами и обилием пушных богатств, силой занимали удобные для себя земли. С IX века новгородцы стали распространяться на восток. Жители поморья и так

называемого „Заволочья“ (страна, лежащая за „волоками“) у Северного Ледовитого океана и в Уральских горах, кроме обычной дани Новгороду, собиравшейся с них мехами, салом морских зверей, шкурами животных и пр., должны были прокармливать назначавшихся для управления посадников старост, сотских и должны были охранять себя от ушкуйников, вторгавшихся по течению рек на своих лодках (ушкуях, поднимавших до 30 человек).

Новгородские промышленники, поселившиеся на поморском берегу, добывали морского зверя в студеном Мурманском море, выезжая весной на „добытки-весновальники“.

Плавание по Белому и Студеному морю представлялось тогда „бедным и горьким“. Владычество московских князей наложило еще более тяжелую руку.

Начиная с XV века монастырские вогчины Соловецкого монастыря охватили своей деятельностью весь северо-восток Беломорья. Население подвергалось отчаянной эксплуатации монастыря, который представлял собою мощную предпринимательскую организацию, содержащую для осуществления своих целей до 1000 стрельцов, которые жили на монастырский счет. Монастырь занимался морским промыслом и охотой на китов.

Поморы, новгородские выходцы, совершали очень дальние путешествия и открыли не только Вайгач и Новую Землю, но также Шпицберген, который в то время назывался Грумантом.

Итальянский историк Мавро Урбино писал в 1722 году: „Россияне биармские, плавая по Северному океану уже 200 и более лет, обрели в оных морях остров незнаемый, обительствуемый от народа славянского, подлежащ на непрестанные морозы и льды, называли его Филоподия, или Новая Земля, величеством превосходит Кипр остров“.

В настоящее время для нас эта, казавшаяся отдаленной область, Арктика, является уже достаточно освоенной. Для ее изучения мы не только снаряжаем туда экспедиции, но строим там постоянные научные базы.

Но, прежде всего, что значит слово Арктика? Прав был Навсен, когда говорил, что это слово произошло с неба. Арктос — это древне-греческое название созвездия Большой Медведицы. Уже древние греческие астрономы заметили, что некоторые звезды не заходят за горизонт и имеются пункты, не меняющие своего места. Такие звезды описывают окружность вокруг одного неподвижного пункта — полюса. Греки поняли, что в связи с этим земля не является плоской, а обладает выпуклой формой. Если подвигаться к северу, то эти звезды окажутся в зените. Греки провели круг через созвездие Большой Медведицы и назвали его арктическим кругом.

Но это объяснение не является достаточно точным. Что же мы действительно представляем под арктическими или полярными странами?

В настоящее время мы считаем, что южная граница этих стран является границей между лесом и тундрой, — это десятиградусная июльская изотерма, т. е. линия, соединяющая все точки, имеющие среднюю температуру в июле 10°.

Какими же целями мы теперь задаемся при изучении арктических областей? Не вдаваясь здесь в подробности, можно сказать, что эти цели сводятся главным образом к геофизическим наблюдениям, т. е. метеорологическим, аэрологическим,

магнитным и другим, а также к наблюдениям чисто-географического характера. Особенное значение мы придаем также океанографическим работам, т. е. наблюдениям над свойствами морской воды, морскими течениями и пр. Мы видим таким образом, что задачи, стоящие перед нами в деле изучения Арктики, велики и разнообразны.

Какие методы следует применять для их разрешения? Прежде всего следует подчеркнуть, что самый характер проблем, подлежащих разрешению в Арктике, диктует длительность и систематичность производимых наблюдений. Не подлежит сомнению, что для разрешения задач общегеографического характера представляется полезным использование современных мощных воздушных аппаратов, т. е. воздушных кораблей и самолетов. При этом однако надо иметь в виду, что такой корабль, а в особенности самолет, может продержаться в воздухе в течение времени, которое исчисляется часами для самолетов и, в лучшем случае, днями для воздушного корабля. Между тем для наших целей необходимо проводить исследования месяцами или даже годами.

Мы должны работать на суше и на море. В первом случае мы устанавливаем научно-исследовательские станции, снабженные радио. В этом отношении очень много сделано как раз в СССР. Помимо тех радиостанций, которые были построены до войны, мы в настоящее время установили самую северную в мире станцию на земле Фрэнца Иосифа, на мысе Желания, в Маточкином Шаре, на Ляховском острове Ново-Сибирского архипелага, на острове Врангеля, в устьях Оби и Енисея.

Нельзя не признать, что организация научно-исследовательских баз, в виде форпостов выдвинутых далеко на север, имеет чрезвычайно серьезное значение. Они служат теми центрами, с которых радиусами изучается окружающая местность. Не следует при этом закрывать глаза на то, что, как бы ни было велико количество баз, организованных на севере, они не могут охватить, без соответствующих средств передвижения обширные районы. Крайне полезно было бы снабжение этих станций самолетами, которые дали бы возможность не только производить фотограмметрические съемки, но и позволяли бы снижаться для производства многодневных разнохарактерных наблюдений.

Нам еще долго придется работать экспедиционным способом даже при наличии постоянных научных баз. Экспедиции будут особенно необходимы для исследования центрального полярного бассейна, который может быть обследован главным образом при помощи мощного ледокола.

Один из наших мощных ледоколов, снабженный двумя самолетами, в течение полутора лет мог бы целиком взять на себя выполнение этой благодарной задачи. Советский Союз является единственной страной в мире, обладающей мощными ледоколами, и ему по праву принадлежит пальма первенства в этом большом и важнейшем начинании.

Таким образом нашей задачей на ближайшую пятилетку будет энергичное наступление на Арктику, и нужно думать, что Всесоюзный арктический институт с нею справится так же успешно, как это было в течение первой пятилетки социалистической стройки.

ПИСЬМО ТОВА ШМИДА ОБ УЧАСТИИ КОМСОМОЛА В БОРЬБЕ ЗА ОСВОЕНИЕ АРТИКИ

Комсомольцы всегда впереди, я уверен, что и в научном освоении. Дальнейшие успехи свои будем в первых рядах

О. Шмидт

На снимке директор Арктического института тов. О. Шмидт во время одной из северных экспедиций.

В Москве состоялась первая Всесоюзная конференция по размещению производительных сил на Севере во втором пятилетии. На снимке пред. Комитета Севера тов. Смидович беседует с делегатами Севера: 1) Удийкан, 2) Мизурнин, 3) Тевянто.

Полярный ГОД

М. А. Дьяконов

УЧАСТИЕ СССР в проведении Второго международного полярного года и количественно и качественно выдвигает первую в мире страну трудящихся на передовое место. Пятьдесят лет тому назад, в 1882 году, когда усилиями ученых всего мира осуществлялся план совместной научной работы в полярных областях—Россия была представлена довольно слабо: только работой нескольких метеорологических станций. Теперь, когда Европа и Америка, раздираемые внутренним экономическим кризисом, урезают свои первоначальные заявки и с трудом находят необходимые средства даже на часть задуманных раньше экспедиций, один СССР приступает к выполнению плана своей работы целиком.

Какие же большие экспедиции предполагает сделать Союз Советских Социалистических Республик во время Второго международного полярного года?

Первая—плавание так называемым северо-восточным проходом из Архангельска во Владивосток вдоль северных берегов Европы и Азии.

Когда Колумб в 1492 году, идя от берегов Испании на запад—в Китай, наткнулся на остров Гаити, когда вслед за ним португалец Васко де Гама обогнул крайнюю оконечность Африки, мыс Доброй Надежды, и нашел таким образом морской путь в Индию,—для Европы, во всяком случае для наиболее передовых в то время государств, был решен вопрос, во-первых, о новых грандиозных источниках всяческих богатств, во-вторых, о морском, более скором и более удобном пути в Индию. Испания и Португалия быстро порешили поделить между собой „зоны влияния“.

Но были еще голландцы—могущественная морская держава; быстро вы-

двигалась на первый план и Англия. Понятно поэтому, что уже очень давно те же голландцы и англичане стали искать северных путей в Индию и в Китай. Это привело к образованию так называемой Московской компании и к ряду путешествий голландцев и англичан вдоль нашего северного побережья. Но только Великая северная экспедиция Беринга, изучавшая в течение 10 лет побережье нашего севера от Архангельска до Камчатки, более или менее подробно описала этот огромный район.

Сплошного, непрерывного плавания северо-восточным проходом никто не совершал до знаменитого плавания шведского судна „Вега“ экспедиции Э. А. Норденшельда. Спустя 15 лет славный „Фрам“ Нансена плавал в этих водах и вмерз во льды выше Ново-Сибирских островов. Затем русская экспедиция Толля на яхте „Заря“, в 1900—1901 гг. прошла этим путем до Ново-Сибирских островов. В 1914—1915 гг. русская гидрографическая экспедиция на судах „Таймыр“ и „Вайгач“ прошла северо-восточным проходом в обратном направлении, т. е. из Владивостока в Архангельск, дважды зимовав во льдах. Это был второй в истории случай плавания северо-восточным проходом.

В 1918—1925 гг. северо-восточным проходом прошло судно Ролла Амундсена „Мод“, трижды зимовавшее здесь во льдах.

На этом и кончаются все известные истории случаев плавания северо-восточным проходом. В нынешнем году советская экспедиция на ледоколе „Георгий Седов“ или „Русанов“ собирается повторить подвиг Норденшельда, Вилькицкого и Амундсена. Но каков смысл этой экспедиции, если она уже была совершена раньше?

Впервые северо-восточным проходом пойдет современный ледокол.

Советские ученые должны решить вопрос, можно ли рассчитывать на регулярное плавание этими водами на ледоколе.

Сейчас уже решена так называемая проблема Карских морских экспедиций, каждый год наши советские и иностранные суда спокойно и точно, по расписанию, приходят из-за границы с импортными товарами в устье Енисея и увозят оттуда наши экспортные товары в Гамбург, Роттердам, Лондон. Но вопрос о снабжении областей к востоку от Енисея попрежнему остается открытым. Наша экспедиция северо-восточным проходом, помимо производства научных наблюдений, помимо решения всяких научных проблем, займется еще изучением экономических проблем: можно ли организовать и как именно наилучшую связь морским путем с областями от устья

Енисея до устья Лены, оттуда до устья Индигирки или Колымы, наконец через Берингов пролив до Камчатки.

Нужно ли сбрасывать, какое величайшее значение для скорейшего освоения этих областей, для скорейшего приобщения Севера и населяющих его разных национальностей к советской культуре имеет вопрос о постоянном морском пути вдоль северных азиатских берегов?

Вторая большая экспедиция—поход к северному полюсу на большом ледоколе. Быть может этим ледоколом будет выбран „Красин“.

Наши исследователи предполагают пройти как можно дальше во льды между Землей Франца Иосифа и Северной Землей, где они попадут в течение, проходящее через весь полярный бассейн.

Смысл экспедиции таков: до сих пор еще ни одно судно не заходило во льды дальше 81°47' („Красин“ в 1928 году); санные экспедиции проникли до 90° (Пири 6 апреля 1909 года). Аэропланы долетали до 90° (Бэрд в 1926 году). Дирижабли „Норге“ и злополучная „Италия“ летали над полюсом. Но ни санные ни воздушные экспедиции не могли произвести исчерпывающих наблюдений. Только во время длительного пребывания у полюса можно собрать достаточные и по качеству и по количеству научные материалы, которые помогут решению многих проблем, связанных с изучением погоды и с возможностью правильного и своевременного ее предсказания. Кроме этого перед экспедицией стоит ряд других научных проблем.

Третья большая экспедиция—экспедиция советской молодежи.

Комсомольская молодежь решила предложить свою энергию делу полярного исследования. План комсомольской экспедиции включает в себе изучение Гольфстрема, этой гигантской системы парового отопления, благодаря которой во Франции и Германии растет виноград, в Англии—бесснежная зима, в Скандинавии—незамерзающие фьорды, а у нас возможна жизнь даже за 70°.

Комсомольская экспедиция предполагает пройти к восточным берегам Гренландии, оттуда направиться к Шпицбергену, затем к Земле Франца-Иосифа и наконец спуститься к Новой Земле. Главной задачей ее будут океанографические наблюдения, кроме обычных наблюдений, входящих в круг всякой научной полярной экспедиции. По плану весь экипаж экспедиции (кроме капитана и штурмана) и все научные сотрудники будут набраны из рядов комсомола.

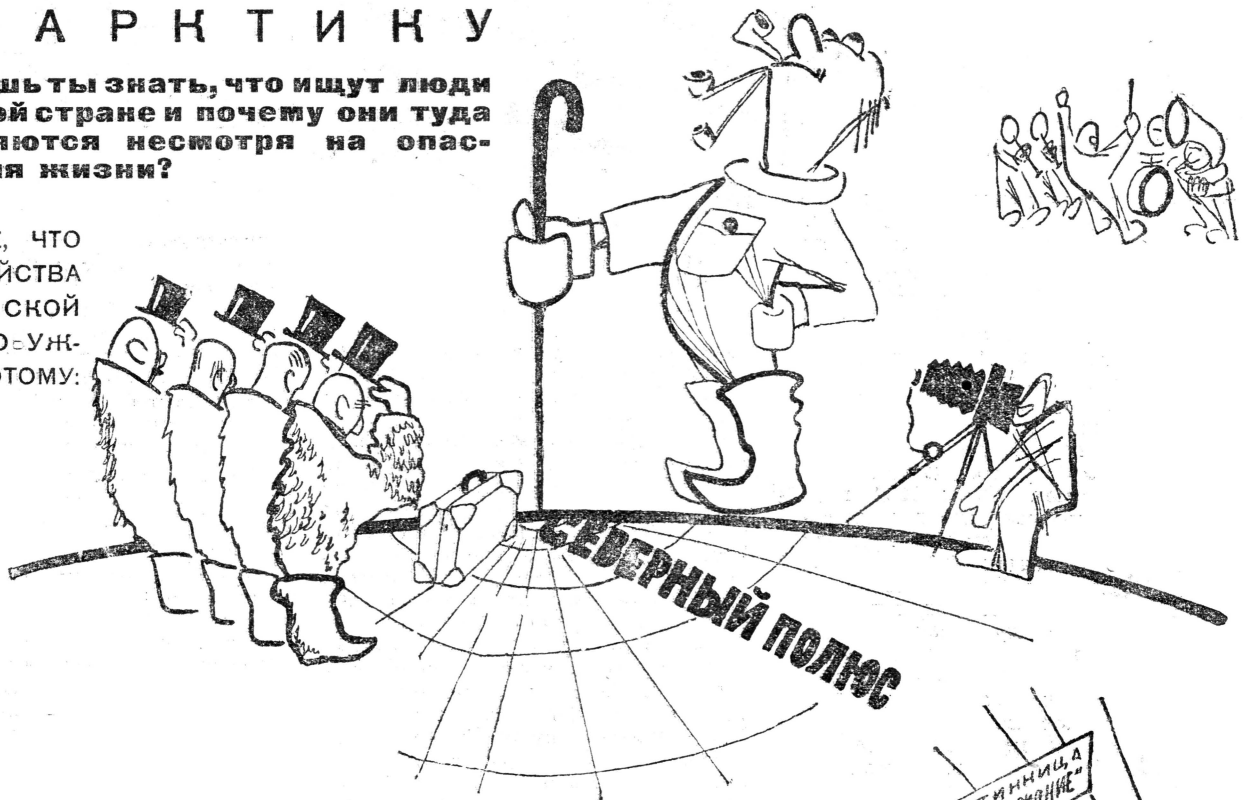
Несколько слов о полярных зимовках, входящих в общий план работ Второго международного полярного года. Кроме смелых зимовщиков на Земле Франца Иосифа, Новой Земле и Северной Земле, предполагается взять зимовщиков и на ледниковый щит Новой Земли.

ТАК СМОТРЯТ БУРЖУА НА АРКТИКУ

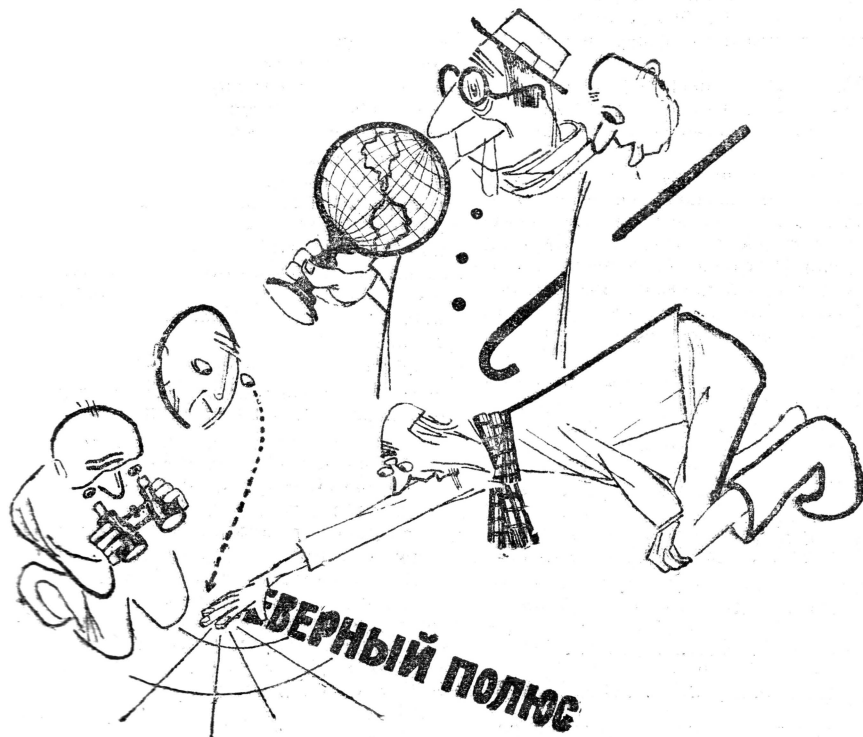
Рисунки М. ТРАМПА

Хочешь ты знать, что ищут люди в той стране и почему они туда отправляются несмотря на опасность для жизни?

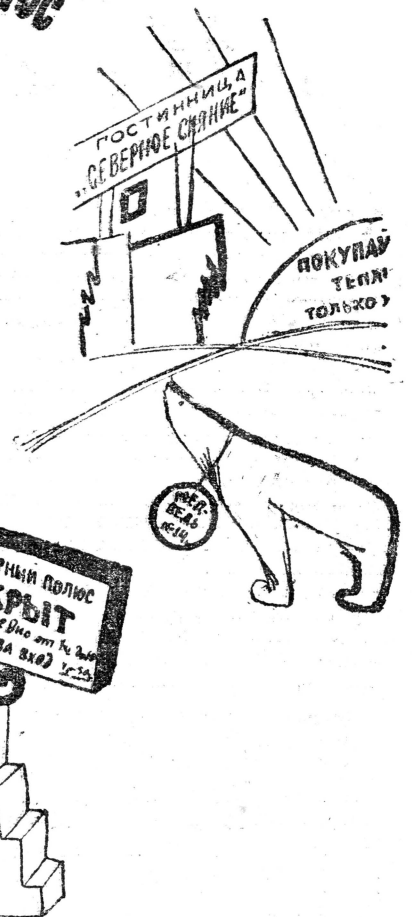
ЗНАЙ ЖЕ, ЧТО ТРИ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ ПО-УЖДАЮТ ИХ К ЭТОМУ:

„ВО-ПЕРВЫХ СОРЕВНОВАНИЕ И СКЛОННОСТЬ К ИЗВЕСТНОСТИ, ИБО ЧЕЛОВЕКУ СВОЙСТВЕННО УСТРЕМЛЯТЬСЯ ТУДА, ГДЕ ГРОЗИТ БОЛЬШАЯ ОПАСНОСТЬ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ИЗВЕСТНОСТЬ

„ВО-ВТОРЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ, ИБО СВОЙСТВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ ЯВЛЯЕТСЯ ТАКЖЕ ЗНАТЬ И ВИДЕТЬ ТЕ МЕСТА, О КОТОРЫХ ЕМУ РАССКАЗЫВАЛИ: ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ УДОСТОВЕРИТЬСЯ, ТАК ЛИ ТАМ НА САМОМ ДЕЛЕ, КАК ЕМУ СКАЗАЛИ.

„В-ТРЕТЬИХ ЧЕЛОВЕКУ СВОЙСТВЕННО ЛЮБОСТЯЖАНИЕ, ИБО ЛЮДИ ПОСТОЯННО ИЩУТ ДЕНЕГ И ИДУТ ТУДА, ГДЕ ПО СЛУХАМ МОЖНО ИМЕТЬ ПРИБЫЛЬ.

(СМ. СТАТЬЮ ПРОФЕССОРА Р. САМОЙЛОВИЧА.)

КОМСОМОЛ ВЫДЕРЖИТ!

Беседа с председателем Арктической комиссии тов. Каменевым

ГЛАВА правительственной Арктической комиссии, зам. наркомвоенмора, Сергей Сергеевич Каменев принял для беседы по поводу организации первой комсомольской арктической экспедиции, зам. редактора „Комсомольской правды“ тов. В. Бубекина и сотрудника „Комсомольской правды“ и „Вокруг света“ тов. М. Розенфельда.

— Что же, дело важное и необходимое, — энергично и радушно заявил С. С. и тотчас заметил: — экспедицию снарядим, но не только этим реисом должны ограничиться комсомол. Летом 1932 года, в международный полярный год, мы посылаем много экспедиций в Арктику; я думаю, что на каждом нашем корабле и ледоколе должны быть комсомольцы.

Пользуясь случаем, мы раскрыли перед С. С. огромную папку писем, полученных редакцией после опубликования проекта экспедиции. То, что сотни комсомольцев, бывшие краснофлотцы, лучшие ударники мечтают попробовать свои силы в тяжелом полярном рейсе, насколько не удивило тов. Каменева. Он с удовлетворением выслушал отрывки этих настойчивых просьб, предложений и подтвердил:

— Ну вот, я несколько не сомневаюсь, что охотники найдутся, мы отберем лучших и из них дадим кадры нашему Северу. Пойдут экспедиции на Северную Землю, одно судно будет дрейфовать во льдах, пойдет ледокол из Архангельска во Владивосток, затем УБЕКО Севера также организует экспедицию, — словом, как я уже сказал, всюду нужно включить комсомольцев, и это мы поручаем вам.

— Комсомольский корабль послать нужно. Нужно его построить — и это будет сделано. Однако моторный бот, который вы будете строить, по-моему... — Сергей Сергеевич сделал паузу и затем живо произнес: — моторным ботом в таком крупном походе ограничиваться нельзя. Тяжелые штормы...

— Нет, нет, — воскликнул он, угадывая нашу мысль, — я не против риска и уверен: да, конечно, комсомол выдержит. Конечно, конечно, — повторил С. С. — Стройте судно и идите во льды, но для Шпицбергена, я думаю, надо будет вам выделить большой корабль.

— Стройте свое судно, — вновь заметил С. С., задумываясь и что-то прикидывая в уме. Через секунду он опять заговорил и вдруг высказал нашу затаенную мечту.

— „Ломоносов“ или „Персей“.

Вот о чем мы часто думали: испытанные, прославленные полярные корабли. Председатель Арктической комиссии точно угадал это смелое желание.

— Понятно, что в международный полярный год каждое такое судно находится на учете. Скоро в Арктической комиссии мы будем принимать окончательные решения, мы позвем „Комсомольскую правду“, ваш оргкомитет и выделим один из кораблей комсомолу.

— Нам нужны для Севера кадры, пусть их даст комсомол, мы идем навстречу, мы поможем, и нужные кадры комсомол даст.

ЭТО БЫЛО НА МАТОЧКИНОМ ШАРЕ

ЛЕОНИД МУХАНОВ
Рисунки С. ВЕРХОВСКОГО

...**Л**едокол „Малыгин“ держит курс на Новую Землю. Он идет к зимовщикам, в полярную обсерваторию — Маточкин Шар. За двадцать километров в потонувшей синеве показались изгибы новоземельских хребтов. Капитан Чертков, знакомый с плаванием в фьордах Маточкина Шара, вплотную подошел к пологому берегу и напротив

обсерватории приказал отдать якорь. Зимовщики, извещенные по радио о нашем заходе, выстроились на крыльце. Дружное „ура“ прогремело в ответ на салют малыгинцев.

Седые горы, море, скалы со всех сторон замыкали рацию зимовщиков. На двух шлюпках высадились пожать руку незаметным героям пятилетки. Из двенадцати зимовщиков, приехавших сюда год назад, на встречу вышло одиннадцать. Одно не хватало: догиб Лебедев, молодой, многообещающий, талантливый геофизик.

Гла а, привыкшие к наблюдательности, упали на мягкий гравий. Поднимаемся к жилому бревенчатому дому. Ураганомер на крыше жалобно стонет, захлебываясь ветром. Проходим мимо сломанной бурей радиомачты, двух амбаров, сарая и магнитного павильона к могиле Лебедева.

— Скаждым годом расширяется станция. С каждым годом растет полярное кладбище, — говорит руководитель зимовки, старый ленинградский рабочий, большевик Вильям Яковлевич Лескинен. — За восемь лет — пять жертв вырвала ненасытная Арктика. Победить ее мы должны — вот наша задача. А его работу мы выполнили коллективно. Станция закончила годовую вахту на месяц раньше.

Подробности гибели геофизика Матвея Лебедева мне передал ленинградский комсомолец Кудрявцев.

— Матвей Дмитриевич Лебедев родился в 1905 году, в семье крестьянина-бедняка. Окончил школу второй ступени, поступил на курсы наблюдателей при Главной геофизической обсерватории; закончил их досрочно и был тут же принят на службу в качестве наблюдателя. В 1926 и 1927 гг. он участвовал в качестве наблюдателя в Хибинской климатологической экспедиции, причем в последнем году произвел самостоятельные наблюдения на вершине Тахтарвумчорра (1200 метров). В течение двух месяцев Лебедев жил в маленькой палатке при далеко не достаточном снаряжении в условиях наступающей зимы с ее пронзительными холодными ветрами и снежными мятелями. С энтузиазмом отдаваясь работе метеоролога и крепко полюбив Север, Лебедев в июне 1930 года отправился в качестве геофизика вместе с нами на зимовку в Маточкин Шар. Во время зимовки Матвей был человеком, сочетающим в себе ученого и общественника. По его инициативе создана была стенная газета „Сполохи“. Он оживлял ее карикатурами и рисунками.

В скучные зимние вечера любимой песней Лебедева была „Песнь о Гайавате“.

...Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки...

7 марта в 2 часа дня Лебедев и Лескинен пошли в пролив на смену двум научным сотрудникам, Чувашеву и Соколову, наблюдавшим с утра за течением воды. Шел небольшой снежок. Дул западный ветер. Погода как будто не предвещала ничего плохого. Стрелка барометра показывала „переменно“. Помню, когда Матвей проходил мимо меня, он крикнул: — Не забудь заметку сдать к сроку. Карикатура уже готова.

Стоит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть...

Это — последнее, что я слышал от уходящего на смерть любимого товарища. За оврагом, где гора поворачивается круто на восток, неожиданно налетел норд-ост, 55 метров в секунду, задул ветер.

— Вернемся назад, — сказал Лескинен.
— Невозможно. Там ждут товарищи смены, — решительно ответил Матвей и, ускоряя шаг, побежал по проливу. Черным комком впереди выступала дежурная будка. Передохнули. Затянулись глубокими глотками табачного дыма и снова пошли дальше. Ветер перешел в ураган. Расставленные веши пухом полетели на крыльях норд-оста.

— Вернемся назад.
— Теперь уже близко. Ждут товарищи. Сверху запорошило. Под ногами заплескала поземка. Темно. Лебедев запел:

...Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки...

— Назад, иначе мы погибнем! — зкричал Лескинен и потащил за собой Матвея. Кругом все бело, погружено в ледяное тягучее молоко. В трех шагах не видно ни зги. Лескинен с Матвеем перевязались веревкой. Всю ночь обессиленные блуждали по проливу.

Матвей выбил из сил.
— Вильям, иди один. Я полежу. Не могу. Нет мочи. Ноги стертые. Кровь. Закоченел. Лескинен два часа на широкой спине тащил замерзшего товарища. Заблудились. Под утро подошли к какой-то горе. Матвей настойчиво требовал:

— Вильям, оставь меня. Иди на станцию. Зачем погибать вдвоем?

Скрюченные холодом пальцы разжались, и он пластом скатился с плеч Лескинена.

Вильям Янович на четвереньках, придерживая на себе Лебедева, приблизился к горе. Устал. Кожаная тужурка примерзла к телу. Лицо обжигал раскаленным ледяным кристаллом ветер.

— Брось, Лескинен, тебе говорю, — тихо прошептал Матвей и уверенно сел на снежный холм. — Ты видишь, я могу отдохнуть, а затем сам пойду к своим, на станцию.

Лескинен, задыхающийся от мороза, один стал медленно уходить за белую горку снега, а затем не вытерпел и ползком приполз обратно; за это время Матвей упал с холма. За несколько минут с правой стороны вырос около него второй холм снега. Лескинен наклонился. Запекшиеся губы Матвея шептали:

— Как хорошо! Лескинен должен дойти. Спать. Тепло. Я усну. Придет Вильям

с моими товарищами. Собаку мою вот кто накормит? Воет бедняжка. А как тепло! Хочется спать, спать, спать.

Лескинен заплакал. Сил тащить Матвея не было. Все они были истрачены за долгую ночь. Лебедев подернул плечами, накидывая на себя снег, продолжая шептать.

Вильям Янович снял кожанку и бережно укутал Матвея, а сверху засыпал снегом. «Спастись товарища во что бы то ни стало».

Лескинен, карабкаясь, упираясь локтями в лед, снег, полез на гору определять местонахождение. Он забрался на скалу, на которую мы в ясный день, при полном снаряжении, с железными кошками, с ледорубами, не могли и мечтать подняться. Крутизна необычайная. Обессиленный Лескинен увидел дом, обратно скатился и катком докрутился до нашего дома. Мы втащили его, стучавшегося всем телом в дверь дома, в кабинет врача.

— Спешите на помощь. Матвей замерзает у подножья горы. Возьмите собаку, она у него в комнате.

В три минуты была снаряжена поисковая партия в количестве пяти человек. Любимая собака Матвея «Радость» бежала впереди, обнюхивая снег. Ветер не утихал. На втором километре у Северного берега увидели большой снежный бугор. Собака, стерев лапы до сухожилий, выгребала из-под него снег.

Нога. Матвей.

Лопатами расчистили снег. Возле головы короной свился плотно убитый застреленный снег.

— Матвей, — потревожил я накинутую тужурку Лескинена. — Слышишь? Матвей!

Окоченевший труп лежал без движения. Из ноздрей клыками выступали кровавые стуски льда. Не верилось. Нет! Нет! Не может быть! Снова:

— Матвей, ты слышишь?

На руках понесли молодого геофизика в полярную обсерваторию.

Ветер налетел на необычайную похоронную процессию. Вместе с трупом сшибал нас несколько раз на снег, мы вставали и шли к станции, держа на своих руках, как знамя борьбы, остатки нашего товарища.

До мая спал Матвей на широком столе магнитного павильона. Летом под лучами

солнца оттаяла мерзлота земли и мы смогли похоронить товарища.

Смерть товарища еще больше сплотила дружный коллектив матшаровцев. Радиостанция провела ответственную работу по проводке каравана судов Карской экспедиции в устья рек Оби и Енисея.

Пять номеров стенной газеты «Слово» дышат полным здоровьем в работе зимовщиков. В отделе «Наши недочеты» хлестко бьет самокритика. Оригинальные карикатуры Лебедева с четверостишиями заставляли подтягиваться киснувших людей. В передовой первомайской газетоматшаровцы заверяют трудящихся Советского Союза в готовности переносить все невзгоды полярной жизни.

«День 1 Мая нам, отшельникам Новой Земли, приходится встречать в особых условиях, совершенно непохожих на те, в которых его встречает рабочий класс Советского Союза. Сегодня мы, новоземельцы, не будем шагать в шумных, людных колоннах демонстрантов. Нас разделяет ледяное пространство, но маленькой скромной группой мы заявляем о своей солидарности с угнетенными всего мира, о своей готовности с усиленной энергией работать над выполнением задач социалистического строительства по освоению далекого Севера и включению его в фонд первого в мире пролетарского государства».

— К приезду смены мы выпускаем шестой номер. Напишите что-нибудь, — обратился к советским журналистам тов. Лескинен.

Мы написали несколько слов:

«...Посещение вашей обсерватории — один из самых ярких моментов нашей поездки. За короткое время, проведенное в вашей семье, мы чувствовали атмосферу самоотверженности и преданности делу. Ни трудности работы, ни трагическая гибель на посту тов. Лебедева, ни недостатки снабжения не помешали вам под руководством рабочего Лескинена выполнить возложенные партией и страной задачи. Гордимся бодрой, энергичной семьей матшаровцев. Желаем благополучного окончания зимовки. Большевицкий привет сменяющим за зимовщикам».

Советская часть экспедиции
«Малыгина».

В Институте народов Севера учатся несколько сот представителей народов Севера—чукчей, гиляков, ульчей, юкагир. Они пришли в Ленинград от берегов Ледовитого моря, из снежной сибирской тайги. Являясь передовиками нового советского актива на далеком Северо-востоке, они лучше чем бы то ни было другой могут рассказать на страницах нашего журнала о трудной, суровой жизни далеких окраин и о ростках новой жизни. Печатаемый ниже материал, а также рисунки, его иллюстрирующие, сделаны целиком студентами Института народов Севера. Рассказы собраны А. К. Подгорской.

РАССКАЗ ГИЛЯКА

ПЛОХО жилось нам. Бедность. Темнота. Добыча плохая, да и та доставалась не нам. Уедут гиляки на время рыной ловли на реку Вал, настроят по берегу балаганов и палаток, и живут в них, рыбу ловят и охотятся. Приедет скупщик, привезет водки и дает ее всем за рыбу и пушнину. Пока все не заберет, водку предлагает: «Пей, потом разотчемся». И пропивали гиляки всю добычу. Так было до 1925 года.

В деревне Чайво появилась советская власть в то время, как там распорядились японцы. Делали что хотели. Даже поролли нас. Никаких артелей для промысла не разрешали, и мы ловили рыбу

удочками. Много не наживешь от такой ловли. Но в 1925 году, в апреле месяце, японцев выгнали. Надо правду сказать, что гиляки боялись и красных, так как японцы все время пугали: «Вот придут большевики, всех вас перебьют, никого в живых не оставят».

Но в конце концов мы прогнали японцев и стали ждать красных. Пришли большевики и никого из нас не тронули, а помогли нам во многом. Первое — открыли школу с интернатом. А ребят в школу гиляки не пускают. Но вот гиляк Подун из деревни Ларно первый отдал своего сына в школу, а потом отец отдал меня. Сначала я очень боялся, но

скоро привык, и мне стало хорошо в школе.

Проучился я в школе один год и приехал домой в отпуск. Но дома еще мало понимали советскую власть, и все еще скупщики, кулаки и эксплуататоры хозяйничали среди темного народа.

Но теперь уже многое изменилось. Особенно поверили туземцы советской власти, когда у нас открылась больница. Народ стал лечиться, многие стали поправляться и стали доверять большевикам.

*Лонжеро (гиляк).
Остров Сахалин, залив Чайво, село Чайво*

НАПРАСНЫЙ ИСПУГ

ЧЕЛОВЕК боится хозяина тайги и старается ему понравиться, старается отгадать, что он хочет сделать с человеком; и придумывает человек очень странные вещи, от которых только еще страшнее бывает в тайге.

Если человек услышит в лесу человеческий голос, значит умрет кто-нибудь, — думает туземец.

Если ночью каркает ворон, он тоже предвещает смерть. И таких примет очень много.

И как хорошо помнят люди, если примета сбывается, и как легко забывают те случаи, когда она не исполнилась.

Вот я знаю такой случай.

Однажды парень Тыхта из соседнего поселка приехал к нам за покупками в кооператив, а вечером поехал домой. От нашего поселка до его дома было семь километров. Едет он спокойно. Вдруг увидел, что над ним летит какая-то птица и кричит. Он поехал быстрее. Птица за ним. Он — еще быстрее, птица не отстает. Он так испугался, что потерял память и не помнит, как доехал домой. Так его в бессознательном состоянии втащили в избу и не могли ничего с ним поделать. Он совсем разболелся, так что вечером пришлось пригласить к нему шамана.

— Эта птица была чорт, — сказал шаман, — и он нарочно пугал парня.

Парень скоро поправился. Он жив и здоров и сейчас. В этом году хотел даже ехать в Ленинград учиться, да родители не пустили.

Мы часто и теперь вспоминаем, как он испугался птицы, и все весело смеемся, а этот парень больше всех. Но многие все-таки были уверены, что его пугал чорт.

Кондо (гиляк).

Село Тыр на Амуре, Больше-Михайловский район, Николаевский округ.

В Е Т Е Р

МЫ поехали по морю охотиться на нерп. Нас было трое в лодке. Дул попутный ветер. Мы шли под парусом. Проехали половину дороги. Один из охотников сказал:

— Едем, ребята, к берегу. Будем здесь чай пить.

Пристали. Начали чай варить. А ружья были в лодке с вещами. Ветер был сильный. Не знаю, как случилось, но только

посмотрел я на море и вижу, унесло нашу лодку и уже далеко от берега. Я закричал:

— Эй, нашу лодку унесло!

Товарищ сказал:

— Что же мы теперь будем делать?

А другой товарищ рассердился, выбросил в море чайник с чаем и начал всех нас ругать.

— Ну, ладно, — сказал я, — чего ты ругаешься? Ведь вместе лодку привязывали, а ружье и мое пропало.

И пошли мы домой пешком. Итти было скучно. Ни топора ни ножа с собой не было, и я в первый раз понял, как перестает быть сам собой, когда у тебя в пути нет ни ружья ни топора.

Лонжеро И. (гиляк).

Сахалин, залив Чайво, село Чайво.

ЛОВЛЯ РЫБЫ

В НАШЕЙ местности очень много озер, и жители занимаются рыболовством. Бывают озера, где за сезон артелью можно наловить полторы-две тысячи пудов рыбы. Говорят, что некоторые артели ловят и больше.

Вот я вам расскажу, что мы делаем перед началом улова. Однажды зимой мы арендовали

озеро и поехали на него неводить. Приехали туда, купили за 50 рублей быка, зарезали его, собрали кровь и повезли ее на озеро. На озере вырубил прорубь, вылили туда кровь, бросили несколько серебряных денег. Только после этого мы начали неводить. Так у нас делают все рыболовы.

Этот обычай основан на уче-

нии шаманов о том, что в озерах есть хозяин, который может дать и не дать человеку улов.

Только ученье может уничтожить эти предрассудки

Пакин (вогул).

Тобольский округ, Кандинский район, ст. Нахрачи.

КАК Я ПОПАЛ НА СЕВФАК

Я рос без родителей. Воспитывался в чужих людях и работал ради куска хлеба. В пятнадцать лет я получал уже жалованье — рубль в месяц — и должен был вязать сети для ловли рыбы.

В это время у нас в Хатенге открыли туземную школу. Я сейчас же поступил в нее. В школе нас оказалось десять человек. Занимались мы два месяца, и ученики разъехались. Учитель стал уговаривать меня ехать с ним в город. Я очень боялся города, так как не знал, как в нем жить, но все-таки решил ехать.

Получил деньги на продовольствие, сел на пароход и поехал. На пароход ехал студент Ленинградского лесного института. Меня прикрепил к нему. Я ехал, как в черную бутылку, ничего

не знал и не представлял, что меня ждет. Многие меня спрашивали, интересовались, кто я такой, куда еду. Но я не умел ответить, так как не знал русского языка и вместо ответа показывал свои документы, выданные мне риком.

Некоторые мне говорили, что я еду очень далеко, что меня там будут бить и ругать, что жизнь моя будет очень плохая.

Все это приходилось слушать и мучиться. Но деться было некуда, и я решил: „пусть будет, что будет“.

Когда приехали в город Красноярск, то я был страшно поражен видом города, особенно большими каменными домами в три-четыре этажа. Здесь мы прожили три дня в общежитии окружкома, и Красноярский комитет Севера подтвердил мою командировку в Ленинград.

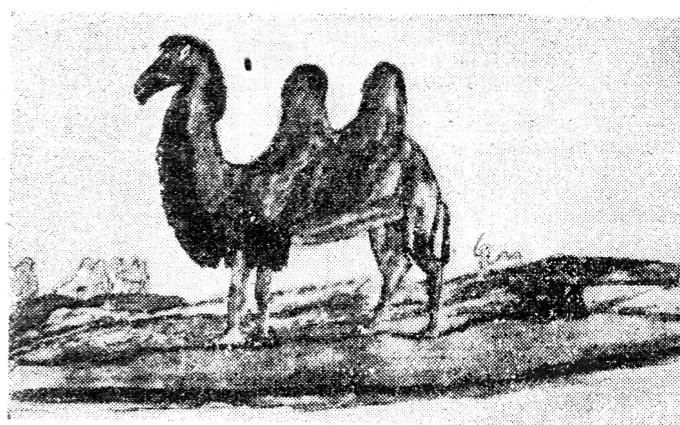
Снова дали денег на продовольствие и посадили на поезд. Ехать пришлось семь суток. Но я не выдержал тряски поезда и пять суток был болен. Не пил, не ел, и только на шестые сутки мне стало легче.

В Ленинграде приехали на Октябрьский вокзал. Я очень был поражен трамваями и тем, что люди двигались, как вода лилась, без остановки.

Так я начал учиться в Севинституте. Долго я никуда не ходил. Отойду от ворот на пять шагов и оглядываюсь, так как боюсь заблудиться. А потом привык.

Константин Милетин (долган).

Красноярский округ, Туруханский край, Хатенгская тундра, поселок Хатенга.

Рисунки сделаны студентами Института Народов Севера — представителями наших северных народностей. Они изображают различные картины природы и быта, окружающие человека Севера.

ПОЛЕТ НА ГИДРОПЛАНЕ

В АВГУСТЕ 1926 года зашел к нам пароход „Ставрополь“. На нем был гидроплан. Мы работали на берегу, на засольном участке, и с интересом смотрели на гидроплан, потому что впервые видели его.

Постоял пароход день, а на второй пустили с него на воду гидроплан, и он пошел прямо к берегу. Публика вся собралась на берегу. Конечно, и я тоже. Гидроплан подошел к берегу, и летчик сказал:

— Кто из местных жителей хочет покататься?

Сначала желающих не нашлось, но потом мы с товарищем поговорили и решили сесть, чтобы подняться на воздух.

Шли мы к летчику неуверенно и может быть вернулись бы, если бы кто-нибудь сказал хоть слово.

За нами пошел старик чукча.

— Я уже стар, — сказал он, — мне все равно скоро умирать. Так что же, сяду с вами.

В какое было два кресла. Мы в них сели, а старик сказал:

— Я лучше здесь сяду.

И сел на пол, прогнав ноги.

Гидроплан тронулся. Не успели мы опомниться, как были уже высоко и очень хорошо все видели. Но все время было страшно.

Когда мы спустились на землю, старик сказал:

— Теперь можно и умереть. Все-таки хоть раз побыл вверх и летал, как птица.

Тут все начали лезть к самолету и просить их покатать. Так было до самого вечера. Гидроплан кончил летать, когда было уже совсем темно.

Беллев (коряк).

Село Марково, Анадырского района.

КАК НЕЕЦ ПРИЕХАЛ В ЛЕНИНГРАД

В 1927 году к нам приехал инструктор и предложил ехать учиться в Ленинград.

Весной я узнал, что из Ленинграда в село Дудинку приехал товарищ Милетин. Мне захотелось узнать, что там такое в Ленинграде, и летом я поехал в Дудинку.

— Что-то там в Ленинграде, как живете, как учитесь? — спросил я тов. Милетина, когда встретился с ним и рассказал ему, как мне хочется ехать в Ленинград учиться и как страшно, так как не знаю, ни как доехать, ни как достать средства на дорогу.

Милетин сказал:

— Нечего тебе бояться. Там очень хороший народ. Все, как свои. И так как мы ничего не знаем, они нас очень жалуют, и все рассказывают и объясняют.

А о деньгах он мне сказал:

— До Туруханска (600 верст) поезжай на свои деньги, а дальше тебе даст денег Комитет Севера и отправит тебя в Ленинград.

Теперь я окончательно решил ехать. Пришел домой и сказал своим: «Я еду в Ленинград учиться». Об этом я сказал также родовому совету, но не было никого, кто бы мог написать заявление. Тогда я пошел к засолщику рыбы, русскому, и попросил его написать мне заявление. Когда он узнал о моем решении ехать учиться, он очень хвалил меня и стал рассказывать, что есть в городе хорошего.

— Ты там увидишь живые картины, увидишь аэропланы, которые, как птицы, летают в небе, поедешь по железной дороге так скоро, что ветер не догонит тебя, и многое другое.

Я слушал, слушал, но ничего не понимал.

— Хорошо, — сказал он, — я напишу тебе заявление, когда будет время.

И я стал уговаривать наших ребят ехать учиться. Но никто не соглашался. Очень боялись ехать в город. А я решил: что будет, то будет. Куда понесет меня судьба, туда и дорога.

Потом я задумал пойти к пастуху и его уговорить ехать в Ленинград. До пастуха от нашего чума было 70 верст. Но я отправился и дошел до места. Стал звать его ехать со мной, но он наотрез отказался. Он сказал: «Я ни за что не поеду учиться». Тогда я рассказал пастуху, каких людей я встретил на летовьи, как они мне рассказали, чему мы будем учиться, как они открыли мне глаза, будто раньше я был слепой.

Когда на другой день утром мы встали, пастух сказал:

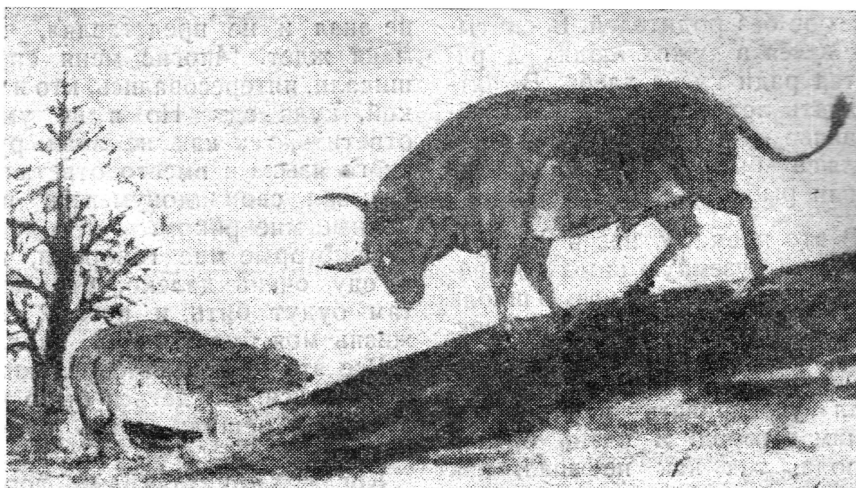
— Хорошо, поедем в Ленинград учиться. — И сейчас же собрался ехать.

Я вернулся к себе и опять стал уговаривать ребят ехать учиться.

Собрались еще двое, а потом еще один. Таким образом нас собралось пять человек.

Начали мы ждать парохода. Трое ждали парохода в селе Дудинке, а мы — в деревне. Как-то раз мы пошли в Дудинку узнать, когда будет пароход. Только пришли, вдруг ребята говорят: «Э, вот идет пароход». Я скорей поехал домой за вещами (а до нас было 60 верст). Товарищ остался в Дудинке.

Я приехал домой, собрал вещи товарища и свои и стал ждать парохода. Но

ветер был такой сильный, что пароход не пристал, а прошел мимо. На другой день погода стала еще хуже. Пароход никак не мог остановиться и обратным рейсом тоже прошел мимо.

Ребята уехали, я остался.

Свои туземцы и русские стали меня отговаривать ехать. Но я не слушался. «Что будет, то будет, но я поеду», — решил я. Уже выпал снег и шел по льдине пароход.

А зима наступила уже настоящая. Начались морозы, а у меня был только дождевик и летняя одежда. В этом дождевике мне пришлось ехать до Красноярска (360 верст). Было так холодно, что ни минуты нельзя было сидеть в санях. Я всю дорогу шел пешком, даже правильнее сказать — бежал около саней. Так мы доехали до Красноярска.

Город показался мне очень большим. Масса народу, все торопится, бегут. Трамвай, гудки, шум. У меня все в голове перемешалось.

Потом мы пошли в Комитет Севера. Получили деньги и в 10 часов вечера сели в поезд.

Первую ночь в поезде я никак не мог

уснуть. Все шатается, стучит, шумит. И только утром я уснул. Вдруг проснулся. Вижу: поезд стоит. Я побежал купить хлеба. Пока я покупал хлеб, поезд пошел. Я бросился догонять и вскочил в первый попавшийся вагон. Но этот вагон оказался чужой. Меня стали спрашивать, какой номер моего вагона. Но я не понимал, что такое номер, и три раза садился в чужие вагоны, пока добрался до своего. После этого случая я стал бояться выходить из вагона.

Так и доехал до Ленинграда.

Ленинград показался мне таким большим городом, что ему нет конца.

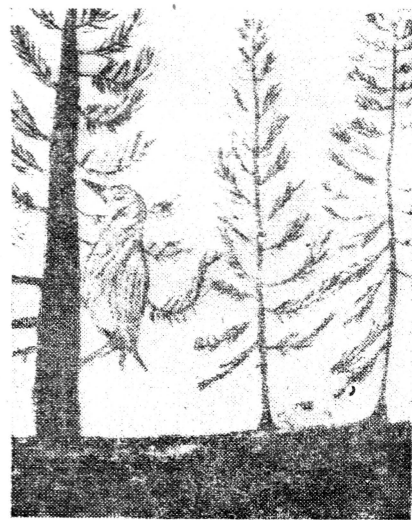
Народу было так много, что я еле вылез из вагона. Я держался за товарища, даже не выпускал его руки. Вышли на площадь. Дома такие, что крыши до неб достают. Так казалось мне. Автомобили и трамваи мелькали взад и вперед. Все это было очень странно сначала.

На Севфаке я встретил своих ребят. И был им очень рад. Ребята от души радовались, что я приехал.

Еще долго после приезда я боялся ходить один по городу. Думал, что заблужусь. Теперь я привык.

Рисунки студентов Наредов Севера в Ленинграде.

Так я попал на Севфак. Много горя я перенес, пока до него добрался.

Болин Даниил (ненец-самоед).

Туруханский край, Лузинский береговой район.

КАК ЖИВУТ УЛЬЧИ

Мы живем на реке Амуре. Можно сказать, что мы здесь коренные жители. До приезда русских мы жили одни. Жить было очень тяжело. В то время наши старики не имели ни продуктов, ни мануфактуры, ни спичек. А китайские спекулянты, ездившие по Амуру, угнетали всеми способами темного туземца. Ульчи занимались охотой и рыболовством. Ведь в то время в реке было много рыбы, а в лесу — пушнина. Когда приходили китайские спекулянты к нам в деревню, то брали с нас за фунт табаку по соболу, а за гнилую чумизу¹ — по три соболя за пуд.

¹ Чумиза — китайское просо.

Наши старики одевались в кожи и питались рыбой. Рыба и теперь у нас самая главная пища.

Мы ловим рыбу сетями, а потом чистим и сушим ее на солнце пять дней и едим. На зиму приготавливаем юколу.

Можно сказать, что наши старики ели рыбу без соли, так трудно было доставать ее. Они доставали соль из моря. Вот я расскажу, как они это делали. Дядя говорил, что когда ехали в море за солью, то брали с собою большие китайские котлы. Как доедут к морю, так поставят около берега котел, наливает его полный водой и с утра до вечера кипятят эту воду, пока она вся не выкипит. Тогда на дне окажется кашка, — это и есть соль. Потом ее сушат и употребляют в пищу. Вот какова была наша жизнь в старые годы.

Переселенцы к нам на Амур пришли в 1874 году. Когда туземцы увидели русских, то очень испугались, и женщины с ребятами убежали в тайгу. Мужчины хотели воевать с русскими, и даже были бои. Несколько человек русских было убито. С течением времени

ульчи познакомились с русскими и стали жить лучше. Но все-таки ниши русской мы есть не хотели.

Прошло довольно много времени, прежде чем ближе познакомились с русскими. Но все-таки при буржуазной власти мы никогда не могли ужиться с ними. Нас не считали тогда за людей, а смотрели на нас как на дикарей. И мы, живя рядом, не знали даже, как пахнут землю. Но вот пришла Октябрьская революция, и наш темный народ стал помогать советской власти, как мог.

После прожитых годов мы все можем сказать, что советская власть не разделяет своих граждан на настоящих и дикарей. Для нее все трудящиеся равны. Без советской власти мы и теперь были бы угнетенным народом и не получили бы знаний.

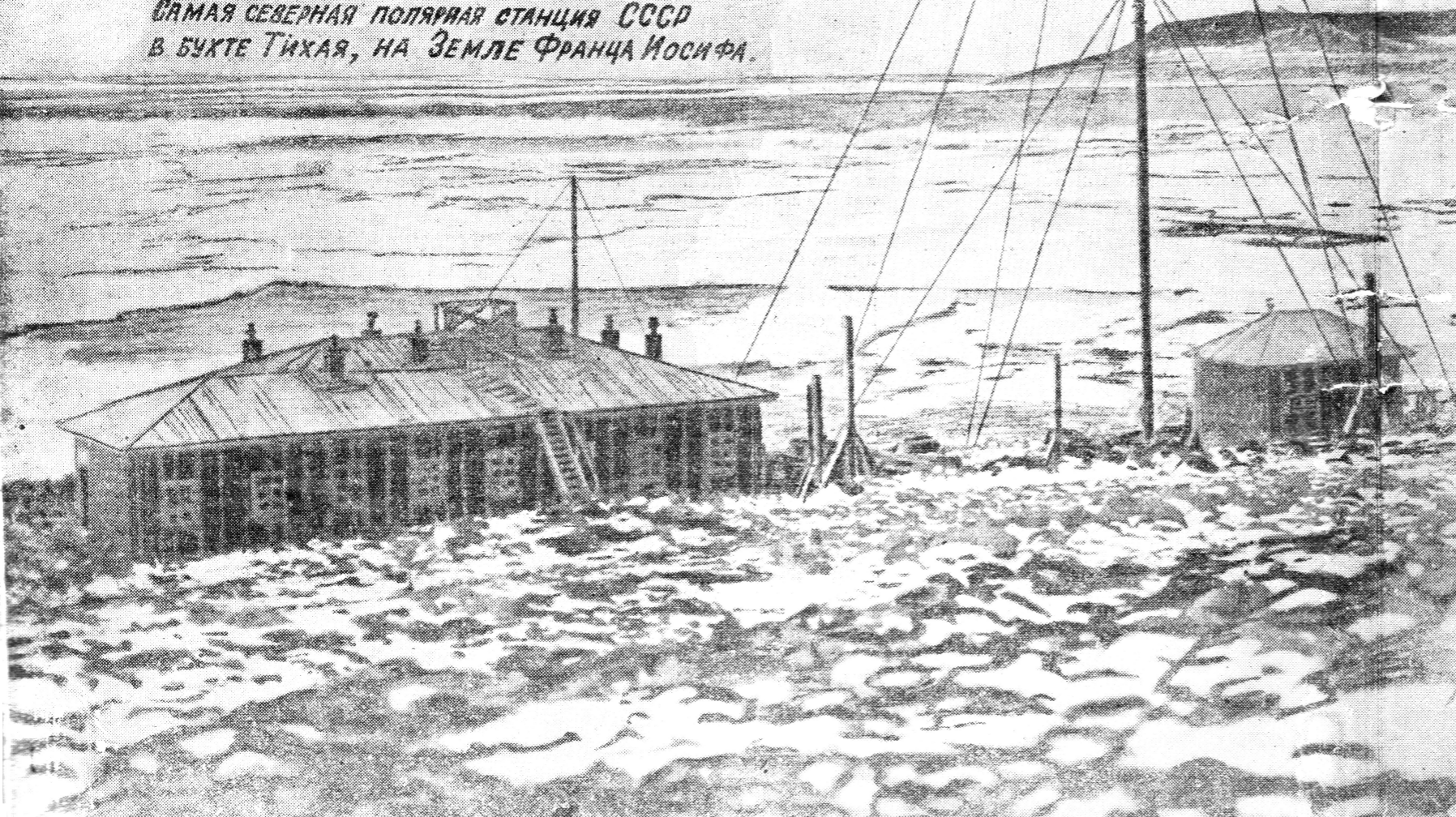
Петр Ждорка (ульча)

Николаевский-на-Амуре округ, Больше-Михайловский район, ст. Булава.

Фонтанка, 34, Арктический Институт ВНИИ

Привет всем на станции все благополучно заключил договор по сотрудничеству с обсерваторией Матшаре по бесперерывности работы станции в соблюдении строжайшей экономии вверенного хозяйства станции внешнего ухода механизмами выполнения плана полетпросвет работы текущей зимовки обеспечения благополучного исхода зимовки путем товарищеских взаимоотношений радио связь отправка и приему телеграмм безопозданий магнитному отделению ни одного дня пропуска записей самописцев причем все кривые легко можно прочесть абсолютные наблюдения не реже семи раз месяц колебания отдельных значений определения нормальных положений должны быть пределах точности прибора метеорология ни одного опоздания на срок своевременная обработка наблюдений самописцев изучение температурного режима снежного покрова глубин почвенных термометров аэровые возможности следственного прова пилотов при наблюдениях ни одной лопнувшей оболочки пуск пилотов полярной ночью при всяких благоприятных условиях подает метеораграфа на змеях своевременная передача пилотных сообщений телеграмм. восьмого и девятого убито два медведя

НА СНИМКЕ —

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ СССР
В БУХТЕ ТИХАЯ, НА ЗЕМЛЕ ФРАНЦА ИОСИФА.

ИЗ АРКТИЧЕСКОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Зимовщина

ДЕММЕ

ВЫСОКО взметнулась к небу земля.

Стройные шестигранные колонны базальтов усыпаны сидящими на них птицами.

Воздух переполнен паническим криком миллионов мориков, клеточным буревестников, тревожным криком чаек.

На недоступной скале Рубины птицы выбрали площадки для гнезд. Зачем так много птиц селятся вместе и почему выбрали они эту высокую, черную, обрывающуюся в море скалу?

С трех сторон омывает скалу море. ходят льды, натекая на ее каменный острок.

В море миллиарды рачков, червей, ракушек кормят птиц. Ими же питается здесь зэрпа, морской зяц и даже морж, туша которого достигает тринадцати центнеров веса.

Нерпой и моржами питается медведь. Маленький рак — источник жизни всей фауны северного архипелага и окружающих его пространств.

Птицам «базара» нужна вода, потому что в ней живет пища.

Птенцов, еще не окончательно потерявших пух, когда родители их не успевают принести им пищу, мучит голод.

Движимые голодом, с высоты ста метров бросаются они грудью в море и на воде уже достигают летнего состояния.

Птицы нужны друг другу. Чистики — хорошие разведчики. Они прилетают одиночками первые и смотрят, есть ли открытая вода от скалы километром за пятьдесят, или все сковано льдом? За чистиками прилетают морики, в стаях которых чистики служат вожакими. Морики, слетая на корюжку за сотню километров, когда близко от скалы появляются полыньи, дают сигнал более тяжелым птицам — кайрам, гагам, гагарам, и более нежным — меевкам.

Базар охраняют огромные, достигающие в размахе крыльев до полутора метров чайки — бургомистры. Малейшая опасность привлекает их внимание, и когда она приближается к гнездам, чайки с мужеством бросаются человеку в лицо, бьют собак клювом и крыльями.

Большую дань платят птицы своим охранникам. Мелкие морики часто рвутся желтыми, крепкими клювами чаек. Беспощаден и силен бургомистр, его желтый глаз зорко следит за всем живым во льдах. Далеко на горизонте, на плоскости ледяного припая видит он необычайную сцену.

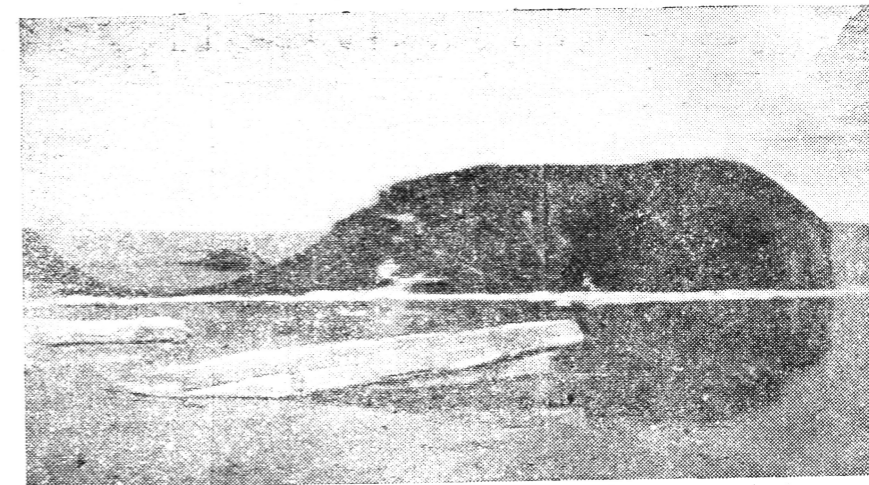
По льду к виднеющемуся вдали мысу четким и мерным шагом идет человек, он что-то чертит и часто останавливается. По другую сторону мыса — давно знакомая чайке группа: медведица и два медвежонка.

Человек не видит зверя, зверь — человека. Мешают мыс и полный штиль.

Бургомистр уже расправил крылья, чтобы отправиться поглотить парного, разодранного когтями медведицы мяса. Ведь ничто живое здесь не уходит от медведя живым, — к этому уже привыкли птицы, но...

Женщина-человек и самка-зверь остановились в ста шагах друг от друга. Постояли.

Человек повернулся и, не ускоряя, не замедляя шага, пошел обратно, и звери

Скала Рубины.

молча ушли своей дорогой в ледяную даль...

Недоумевают чайки. Не знают они, что из нагана бить медведицу с медвежатами нужно наверняка. Также не знают они, что в морозной и влажной Арктике пружины револьвера часто сдают, а боевая винтовка сильно отклоняет магнитную стрелку компаса, по которому ведется съемка островов, и винтовки приходится оставлять в палатке.

Мерным и четким шагом идет человек обратно к скале, сквозь дрожь волнения усмехается этому, слишком уж частому

здесь „чуть-чуть“. Мечтает человек о жарком венце примуса в палатке, о надежном оружии.

Ни того, ни другого, ни даже самой палатки не находит он на месте. И здесь были медведи. Назойливость, бесцеремонность, безобразие. Но и человек наглет.

Злобно проверяет наган и с бормотанием отправляется по следу крупного и молодого зверя.

На бухте находит оружие, на леднике — изорванную в клочья одежду.

Этот снимок сделан на полярной зимовке. Однажды утром зимовщики открыли дверь, чтобы выйти из дома, и увидели, что прошедшая ночная вьюга занесла дверь снегом почти доверху.

ТЕЛЕГРАММА С СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛИ

Общая проработка собранного материала закончена сообщая краткую сводку Северной земля состоит из трех крупных островов и ряда прилегающих к ней мелких расположенных группами и порознь Северный остров Комсомолец имеет площадь 6500 кв км его северная оконечность мыс Мелотова лежит под 81° 16 северной широты 82° 34 долготы От среднего острова Октябрьской Революции наиболее крупного из всех площадью 14500 кв км о-в Комсомолец отделен узким проливом Красной армии Залив Шокальского в действительности оказавшийся широким проливом 25 км в наиболее узком месте отделяет третий смежный остров Большевик площадью 9000 кв км
Н. УРВАНЦОВ

В. ТОБОЛЯКОВ
Рисунки
А. МИХАЙЛОВОЙ

ЛУНА, желтая, как речной песок, неподвижно висела над тундрой, охраняя покой уснувших колхозных чумов. Они отбрасывали на вытоптаный вокруг самоедами, оленями и собаками, звонкий от холода снег густые синие тени.

От широких устьев рыболовных рек, покинув выжженные за лето кострища, гоняли теперь самоеды к факториям, к звероловным местам, к низкорослому, хилому лесу, где, притаившись, ждут бесхитростного песка настороженные слопцы.

Новые ветры проникли и в тундру, они нарушают ее тысячелетнюю тишину, хотя след их мало заметен еще, как след широких полозьев нарт на седом тундровом мху.

Прошло две долгие темные зимы и одно короткое комариное лето, как эти одиночные, маячившие по глухим берегам рек и озер чумы бедняков соединились, чтобы «вместе работать и вместе есть».

Олени колхозного стада, бродившие кучей около чумов под защитой вечно дремлющих пастухов и лохматых сторожевых собак, носили на ухах замысловатые резаные тамги разных родов.

Кэтер—жена Весоко Тесида, председателя колхоза—спала в крайнем чуме. Кэтер долго вчера сидела при свете

дымного костра и тщательно обсасывала сухожилия, приготовляя из них нитки; потом она раздала на ночь мужчинам старые, но высушенные и размятые ее заботливыми руками меховые чулки. Дым и копоть сильно мешали Кэтер кроить шкуры и сушить для утра чулки и сапоги. Задремав, она чуть-чуть опалила волос на чулке, и кожа тотчас начала коробиться. Кэтер, услышав едкий запах сожженного волоса, протерла засаленным рукавом воспаленные глаза и погрела заолодевшие пальцы над огнем потухшего костра.

Женщина последней ляжет спать в чуме, но первой встанет; ведь женщина—хозяйка в чуме и охранительница домашнего очага—должна тушить и разжигать костер.

Таков закон тундры.

Кэтер видела во сне жениха Весоко Тесида и лучшего свата в тундре, Талипти Ябтонге. Весоко был беден, и потому один лишь Талипти Ябтонге мог убедить несговорчивого отца, чтоб он сбавил калым. Отец долго упрямылся и, не обращая внимания на свата, потушил костер, предлагая незваному гостю покинуть чум. Но не таков был лучший в тундре сват Талипти Ябтонге! Еще не успели угли костра покрыться горячим пеплом, как Талипти взялся за «бабье

дело»: быстро развел сам огонь и стащил с отцовских плеч теплую ягушку.¹ Долго говорил Талипти; наконец отец согласился, и сват, откинув меховую ногу, сказал продрогшему у входа жениху:

— Нево ельчево, талгаво тютую... (Свадьбу кончили, гостить будем.)

Во время неторопливой еды Талипти взял свою пешеходную палку и сделал на ней ножом, выточенным из напильника, глубокие нарезки о количестве калыма. Теперь он будет хранить палку у себя, чтобы жених не убавил, а отец не прибавил обусловленного числа оленей.

И все это слышит невста Кэтер, она лежит в дальнем углу, укрытая, согласно обычаю, ягушками, будто ее и нет в чуме...

Сколько зим назад это было!.. Уже состарилась Кэтер, уже немолод Весоко, и, конечно, давным-давно сгорела в костре палка с нарезками.

Вдруг сон Кэтер прервали громкие голоса мужчин. Кэтер вскочила. Она проспала? Мужчины встали, а костер не горит и чайника со снегом не лизут стальные языки. В подутье чума Кэтер увидела оленьего пастуха, он сорал, как сват Талипти, ягушку с плеч спавшего Весоко и громко кричал:

— Хазово (человек)! Беда! Горе! Олени падают!..

— Что? Что?—прошептал, опершись на локоть, Весоко.

Пастух хрипел, потрясая ягушкой:

— Олени падают! Горе! Беда!

Весоко, накинув на голое тело малицу и сунув ноги в поданные Кэтер меховые сапоги, выскочил из чума. Кэтер потрогала золу, теплую, серую, словно лнялая, нагретая солнечными лучами шкура песка. Нащупала спички, искры и дым закрыли звезды, которые виднелись сквозь верхнее отверстие чума, кусок снега в чайнике подтаял и скользнул, как кусок масла. Ветер воробьятой собакой вбежал в незакрытый нюгами чум и, греясь, холодной рукой гладил горячее пламя костра...

— Я думал, они просто лежат...—бормотал пастух, запынаясь о возовые нарты, все еще дрожа, точно после ловли подледными сетями, и сжимая в руках выхваченную из чума ягушку.—Они пропадают! Их душат невидимые волки, их кусают зимой комары...

Оленье стадо, как будто бы здесь действительно бил с подернутым изморозью хвостом волк и вот-вот он выхватит острыми крепкими зубами теплый кусок мяса из быстрых ног, трепетно металось из стороны в сторону. Некоторые мчались прочь от стада, широко раскрыв рты, высунув на сторону языки. Споткнувшись о незримые кочки, олени падали на мох; белая пена, как от вскипяченного молока, билась меж зубов. Прикусенные языки синели и казались при лунном свете черными лоскутками. Ноги, словно схваченные арканом, брошенным меткой рукой, вытягивались, копыта сбивали снег, обнажая серебристый ягель.

— Чума!—прошептал Весоко, подбегая к упавшему оленю и растерянными руками помогая ему подняться. Шатаясь,

¹ Верхняя женская одежда, которой мужчины покрываются во время сна.

олень встал, колени его дрожали, он рухнул на подломившиеся разом ноги и застыл, уткнув морду в снег.

— Их душит чума! — сказал молодой колхозник Яумпе Яр.

— Что мы будем делать? — громко вскрикнул седой Хоке Ябтонгэ и ушел на колени рядом с оленем.

Весоко схватил хорей, воткнувший в снег, и, со свистом рассекая воздух, приказал:

— Хазово! Разгоняйте стадо. Отделяйте здоровых от больных!..

Старик Хоке Ябтонгэ посмотрел на бледную луну с темными пятнами кратеров и кольцевых гор и прошептал:

— Шаман Неруй говорил правду. Нельзя женщине охранять стадо. А летом, когда хазово уехали ловить рыбу, женщины охраняли стадо. Нум (бог) справедливо нас наказал...

Наступал рассвет, розовел. Из чумов летели золотые стай искр, поднимаясь к небу, где на одной стороне все еще стояла раскаленная почти добела луна, а на другой пламенело восходившее на несколько часов багровое солнце...

В чуме Весоко Тесида собралась почти все колхозники. Они сидели около костра на длинных досках, привезенных с юга. Весоко, согревая пальцы, сжимал ладонями чашку с чаем и говорил:

— Надо ехать к русским... Надо ехать к русским...

— А что нам русские?.. — криво усмехнулся Хоке Ябтонгэ, засовывая табак за нижнюю губу. — Что они помогут нам?..

— Хазово, — Весоко кивнул головой на Хоке, — все еще думает, что у русских есть мужики в серой шубе со светлыми пуговицами...¹ Теперь другие русские и они нам помогут..

¹ Урядники.

— Чем помогут? — сплевывая кофейную слюну, спокойно повторил Хоке. — Сушками? А зачем оленю сушки?

Яумпе Яр, молодой колхозник, живший около года в фактории, не выдержал и крикнул:

— У русских есть умные деревья. Если сказать им, их услышат в Салегарде и помогут там...

— От Салегарда до нас, — проговорил другой старик с трубкой, сидевший рядом с Хоке, — неделя езды. От ветра глаз потеряешь...

Хоке, услышав слова единомышленника, громко сказал, откидывая на затылок капюшон малицы:

— Надо исправлять, что мы наделали, хазово! У нас летом женщины охраняли стада. Этого никогда не бывало в тундре. Женщины обходят вокруг чумов, переступают через упряжь, а хазово, не окурив ее, налегают на оленей: Летом мы ловили щук и не выпускали их в воду. Хозяин вод и Нум обиделся на нас и наказал... Надо просить шамана, чтоб он принес жертву...

Весоко, забыв допить чай, взмахнул рукой, костер зашипел от воды.

— Что же ты думаешь, шаман поможет?

— Надо позвать шамана, — упрямо повторил старик. — Он принесет жертву, и Нум не будет гневаться на нас.

Самоеды молча курили трубки и языком передвигали за губой табак. Весоко смотрел на пламя костра и думал:

«Трудно будет русским помочь нам... Тундра велика, ее не скоро объедешь... Но шаман? Весоко знает все его проделки. Это только старики дрожат при его завываниях и громе бубна... Надо ехать к русским...»

— Надо ехать к русским, — сказал он вслух. — На легких нартах... Пусть запрягут лучших оленей...

И, обращаясь непосредственно к Яумпе Яру, добавил:

— Передай русским, что мы все здесь погибнем, если они не помогут нам... Нам не уйти отсюда... Мы умрем от голода.

Черные изломанные тени самоедов заплясали на замше нижних ног, покрывавших закопченные жерди чума. Табачный дым бросился вслед за самоедами и растаял в морозном воздухе тундры. Яумпе Яр надел капюшон малицы, сунул пальцы в пришитые рукавицы, принял кем-то поданный хорей и, ткнув наконец-

ником вздрогнувших оленей, помчался вперед к фактории по дороге, видимой лишь самоедскому глазу. Олени бежали скоро, и снежный песок едва успевал окутывать полозья, тонко скрипевшие на остеклявшем снегу...

Когда-то на месте фактории стояла только одна маленькая приземистая избушка, ее собрал из баржевых досок приказчик купца. Еще и до сих пор в старых, пропахших насквозь рыбой степях, с углами, запорошенными зимой ичеем, видны законопаченные дыры от деревянных гвоздей, скреплявших борта барж. Теперь изба обросла пристройками, в которых живут «годовальщики» — служащие. На берегу реки, зимой промерзающей до дна, около погоста с пятью одиночными крестами, виднеется банька; в снежные мятели в баню попадают только через крышу. Выше дыма, вечно летящего из железной трубы, поднимается тонкий ствол радиомачты, укрепленной проволочными растяжками, почти неприемлемыми из-под сугробов плотно сбитого ветрами снега. Это — радиостанция, сокращенно — рация.

В факторию самоеды заезжают два раза в год — весной и зимой, направляясь с неводами на север, к морю, и возвращаясь со своих летних котлов. Провода здесь туземные селезды для выборов старшин, они обменивают добытую пушнину и рыбу на хлеб, соль, чай, масло, сетную мережу, порох, дробь.

Встречный ветер хлестал снегом в лицо Яумпе, закрывая оленям глаза. Яумпе то-и-дело покривал на оленей, ускоряя их бег. Он уже любовался в мыслях умными деревьями — мачтами рации — и ощущал в пересохшем рту вкусный, горячий факторийский чай.

— А, Яр, — сказал заведующий факторией Ефим Силин, увидев вошедшего Яумпе. — Чего на легких нартах приехал?

Силин много лет был «годовальщиком». Как-то перед самым отходом последнего осеннего парохода он заболел черной оспой. Командир с якорями в петлицах черной тужурки отказался принять его на пароход. Силину оставили в избе вары, приткнули палкой от ветра и песцов дверь. Сквозь озноб и бред Силин слышал прощальные прерывистые гудки парохода, он не придет уже к этим унылым берегам до будущего года... Через неделю в избу случайно заглянула самоедка Тамара (видимо она получила это звучное имя от крестного — купца, загулявшего в тундре) и начала ухаживать за больным Силиным, выходила его и осталась с ним жить. Тамара обрусела, жевала непрерывно, как русские бабы, серу, и на ее обязанности лежало уго-

шение приезжавших самоедов. Заметив вбежавшего Яумпе, она вынула из рта жвачку, приклеила ее пока что к стене и, захватив подолом чайник, тянувший день и ночь на раскаленной плите неистощимые песни, налила гостю редко мывшуюся чашку.

— Беда, Шимка, — бормотал Яумпе, обращаясь к Ефиму Силину. — Олени падают у нас...

Из смежной комнаты вышел высокий радист в тюбетейке и, слушая страшные рассказы Яумпе, сказал:

— Надо, Ефим Иванович, в Салегард передать. У них там есть самолет. Пусть пришлют доктора и вакцину...

— Это обязательно надо, — поддержал его, схватив за руку, Силин. — А то падеж колхозных оленей очень понравится кулакам. По всей тундре скорее мятелистого ветра они разносят об этом весть. Вот как в колхозах живут...

Яумпе пил голодными короткими глотками чай, вытирал красные от вьюги глаза и согласно качая головой.

Радист, надев наушники, сообщил в Салегард по радио:

„В самоедском колхозе началась оленья чума. Олени гибнут. Требуется немедленная помощь. Просим выслать самолет с врачом и вакциной. Самоед-колхозник даст точные указания стоянки чумов и стада“.

Радиоволны, обогая облака, пересекали, словно на быстроногих воздушных оленях, снежные ковры тундры, болота, реки, все выше и выше поднимавшиеся к югу леса. И когда радист быстро вышел на кухню и ободряюще хлопнул по плечу Яумпе, в Салегарде летчик уже надевал шлем, ветеринарный врач взял в руки сумку с синим крестом...

В чумах горят не потухающие и по ночам костры. Женщины не успевают сушить шепки, и едкий, тяжелый дым от сырого тальника, словно не желая расставаться с примитивным уютом чума, нехотя поднимается вверх.

А в маленьком овражке, промытом быстрыми весенними водами, белеют несвижженные туши сломанных оленей. Одинадцать оленей погибло. Среди них есть прекрасные ездовые олени. Еще недавно, отбрасывая крепкими копытами тундровый снег, они тащили нарты и слушались вожжей и длинного хоря.

Весело подошел к пастухам, охранявшим стада уже не от волков, а от зараженных оленей. Собаки, ласкаясь, полбежали к Весоко, но он ударил одну из них мягким носком мехового сапога и спросил пастуха:

— Как олени?

Пастух указал на лежащую важенку и сказал:

— С утра еще она ела ягель...

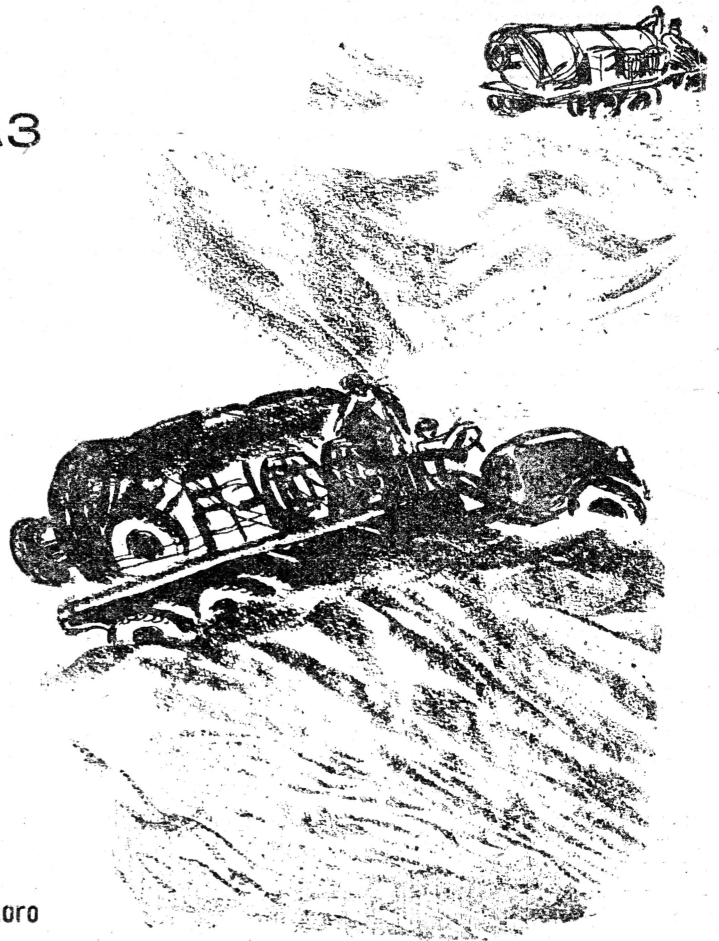
Живот важенки вздувался, один глаз был закрыт, сквозь криво разрезанные ноздри со свистом вылетал воздух.

Весоко, не оглядываясь, пошел в чум. Остановился на полдороге и еще раз острыми самоедскими глазами взгляделся в близкий снежный горизонт. Нет, не видно оленей Яумпе Яра, не слышно

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 19-й.

СЕРИЯ ОЧЕРКОВ „ДВЕРИ В ПУСТЫНЮ“

РАССКАЗ О ЛИНИИ Б

МИХ. ЛОСКУТОВ

Рисунки

В. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

На столе директора Автопромторга стоит электрический настольный вентилятор и разгоняет жару. Тогда она собирается в углы и полезет по стенам. На стенах висят схемы — „Автопромторг в пятилетке“. Красные линии дорог ведут в Персию и Афганистан, уходят в пески, бегут вдоль всей Аму-Дарьи, разрезают географическую карту Туркмении на громадные треугольники и многогранники.

За окном на улице стоят две старые машины. Два котла — их называют автоклавами — крепко прикручены проволокой, шоферы привязывают сбоку какие-то ящики, бочки с водой.

У автомобилей — по шести колес, и каждое колесо двойное.

Асфальтовый тротуар лымится от жары. Запыленное ашхабадское солнце горит над площадью. В духоте проносятся пары бензина, крики людей, машин, ослов и верблюдов. Эта площадь представляет собой вокзал автомобилей. Кончилась погрузка автобуса, идущего в Персию, его доверху наполнили ящиками, персидскими купцами и их женами.

Уплывает красный ящик автобуса в горный поселок Фирюзу.

Дороги расходятся отсюда далеко в стороны...

КАК же нам в случае чего сбросить котлы? — спросил шофер. — Это делается очень просто. Возьмите пару бревен. Скатите котлы в них и бросьте в песках.

Говорил это директор так, будто всю жизнь до этого он сбрасывал котлы в 2 и 3 тонны весом.

— Еще такое дело: сахар. Вообще с харчами плоховато. Запас нужен на месяц.

— Берите на две недели.

— Впрочем мы надеемся на счастливый случай. Может быть доедем за четыре или пятью сутками.

Мы вошли в комнату: два человека с пылью на брезентовых сапогах, два чемодана, две белых рубашки со следами раздавленных москитов.

— Наши машины пойдут в сбор часов или в двенадцать?

— Или через две недели, — сказал директор. — Этого точно еще никто не знает; нашей дороги еще нет, она еще не построена. Машины могут сломаться за сорок километров от границ песков, и тогда следует добираться обратно пешком. Но они могут сломаться и за сто пятьдесят километров.

Единственное, что мы достали, это — кило засах рзных дынных корок да две коробки сухого шоколада.

— Шоколад можно есть шепотками. Это полезно. Накопец можно не есть. Нам важно во что бы то ни стало перебросить котлы. Это сделать не легко. Кара-Кумы — это вам не Сахара. Там, видите ли, песок крупнозернистый, а у нас он мелкий, он заставляет буксовать, а потом... Ведь по этой дороге у нас нет регулярного сообщения. Ведь это линия „Б“.

— Ах, да, линия Б!..

Мы посмотрели на стену. Громадное желтое пятно висело над железной дорогой. „Линия А — функционирующие дороги, линии Б — строящиеся, линии В — запроектированные“.

Мы увидели линию „Б“, красную и жирную, проведенную чертежным пером до черного кружочка с надписью: „Постройка серного завода“. Внизу, перпендикулярно красной черте, шла черная линия — это железная дорога до Красногодска.

— Взгляните на эту карту! — говорил где-то школьный учитель географии. — Взгляните на карту! Представьте, что вся Туркмения, как культурный оазис, расположена только узкой полоской вдоль железнодорожной линии. Это — первая в мире линия, проложенная через пески, по тем самым местам, о которых в 1832 году лейтенант Ост-индской компании Бернс, пробиравшийся из Бухары в Серахс, сказал: „Я не могу представить себе зрелища более грозного, чем эта пустыня“.

ЛЕЙТЕНАНТ Бернс! Ого! С тех пор прошло девяносто девять лет. „Взгляните на карту!“ Туркмению в свое время можно было описывать вдоль жел. зной дороги. Вся жизнь страны сосредоточивалась около гор и полосы железной дороги. Эта замечательная по своей истории далекая Закаспийская линия была ареной многих больших и волнующих событий. Они ждут своего подробного и тщательного описания. По этой дороге прокатывались бои с белогвардейщиной. Оторванные от всего мира пролетарии Средней Азии... Это были годы, когда по дороге двигались английские интервенты, в песках рвались снаряды, вагоны бронировались хлопковыми туками, дорогу разрушали отступающие паровозы, цепляясь якорями на цепях за шпалы, потом десятки километров дороги в песках восстанавли-

вались за одну ночь. В Ашхабаде в то же время печатались воззвания английского генерала Маллисона и собирались деньги под обязательства Бомбейского банка, а с Чарджуя двигались рабочие и красноармейские отряды... Эта дорога на всем протяжении усеяна великими могилами: 26 бакинских комиссаров и 9 закаспийских комиссаров, Полторацкий и Фролов... Все большие годы, сдвиги и революционные события проходили здесь вдоль Закаспийской дороги. Но и эти удары и потрясения не отзывались в глубине песков. А теперь родился Автопромторг, и его дороги тянутся в пески. Это учреждение пахнет бензином, солнцем и песками. Автопромторг в Туркмении. И нас по абстрактной линии „Б“, линии, которая пока — ничто, хотят перебросить к кружочку серного завода...

Мой спутник показал на стену. Там мухи, замученные жарой, пересекали пустыню, медленно лезли по городам.

На столе трещал телефон. Звонили из серной конторы и говорили что-то о котлах.

Я в сотый раз вынул и раскрыл блокнот. Он начинался шоферами, историей и географией, в него я записывал очерк для газеты о нашей поездке.

прекрасно понимали, о чем он думал. В последний рейс перед нашим они шли до завода 12 суток. 250 километров пути они почти сплошь уложили досками и ветками саксаула, так как машины отказывались идти по песку. Люди приехали на серный завод в изорванном платье, почти голые, с изорванными руками. На заводе они достали трусики и в них вернулись в Ашхабад. О чем можно думать, лежа под машиной и глядя на мотор, который должен протаскать нас 250 километров по песчаным сугробам? Стук этого мотора становится значительным, как биение сердца. Шофер сейчас был автомобильным доктором, он слушал пульс своей машины.

Два шофера — один по имени Нардис, самый черный из всех шоферов и нардисов, и другой — Сергей, молодой московский рабочий, — шли в тринадцатый рейс в Кара-Кумы на двух шестиколесных машинах. Это были настоящие завоеватели пустыни, безвестные рядовые герои, о которых никто еще не написал ни строчки.

Нужно было перебросить к центру пустыни Кара-Кумы за 250 километров от Ашхабада несколько необычный багаж: два котла для выплавки серы, махорку, одного бухгалтера и двух журналистов. Это поручили двум шестиколесным машинам типа „Рено-Сахара“.

Наша поездка была исключительно практический характер, она ничего не открывала и не изучала, — это были уже будни пустыни: мы везли котлы... Как странно меняется картина земли: в прошлом году экспедиция академика Ферсмана на тех же машинах „Рено-Сахара“ пересекла Кара-Кумы через серные бугры, и Ферсман напомнил миру о буграх, как о серных залежах громадной мощности.

Кроме того, он заявил о необходимости изучения населения и экономики края. А ко времени нашей поездки там, в середине песков, на диком, скалистом склоне холма, уже выросли леса и уступы каменного дома. На них висела доска с надписью:

„1 мая 1930 года
заложен
этот серный завод“.

Там, отброшенные от мира, жили в котловине серных холмов двести строителей. Мы везли им котлы, мы везли им махорку и не знали по совести — чего в этот момент там больше ждали. Месяц назад люди покурили веники, баганый навоз, жевательный табак кочевников. Машины с табаком и продуктами ломались в дороге, а караваны застряли где-то на необъятном пути...

3

ОБРЯД сборов и проводов был чрезвычайно обычен. Как у дачного поезда. С нами ехал молодой бухгалтер в белом костюме. Жена купила ему на дорогу ягод и лимонаду, — это условная нежность в пустыне. Лимонад стал горячим через полчаса. Бухгалтер ехал на год, чтобы скопить там, по его подсчетам, четыре тысячи рубль. Жена оставалась ожидать мужа и четырех тысяч. Очень просто: в пустыне уже потребовался бухгалтер. Это — замечательный этап для нашего куска земли, отнятого человеком. Сперва приходят геологи, ботаники, потом мир посылает армию бухгалтеров, инженеров, каменщиков, слесарей. Все идет своим порядком.

2

ОЧЕРК начинается так:

В шесть часов утра на площади у Автопромторга маленький, коренастый человек забрался под автомобиль и лежа смотрел на мотор и подшипники. Мы

Люди дорывались до грунта, утрамбовывали дорогу.

В следующий приезд мы не узнаем вас, пески. Дверь прорублена. В этой двери в первом ряду появляется коренастая фигура Нарциса, а за ним — Сергей. Он — в шлеме и трусах. Он садится за руль и недовольно качает Нарцису головой:

— А по-моему может быть все-таки ничего не выйдет. В них пять тонн весу. Запомни мое слово.

Нарцис машет рукой: Ну, не выйдет. Они попробуют взять и на этот раз, как пробовали двенадцать раз прежде. Конечно, дорога трудновата, это совсем не шоссе, но ведь некогда ждать, пока его проложат... Мы уж попробуем как-нибудь проехать и так.

...Через несколько минут наши машины пересекли железнодорожную линию, вступили в пески и круто взяли на север. Через двадцать минут полопались пробки лимонада. Через час я заворачивал голову рубашкой и штанами.

Начались Кара-Кумы...

4

ШЛИ машины метров за тридцать одна от другой. Спереди то появлялся, качаясь, на буграх, громадный автоклав, то снова нырял на песчаный бугор.

Из-под колес разбегались в разные стороны мельчайшие ящерцы, точно рыба. Горячий песок летел в лицо.

Сзади осталась зелень Ашхабада и над ней — полоска гор.

Скоро Ашхабад исчез, и кругом были желто-грязные песчаные валы.

Барханы стали круче, и машины с трудом переваливались через их горбы. Ресоры при этом тяжело и подозрительно хрустели. Иногда колеса начинали вертеться на месте, зарываясь в песок. Тогда шофер вытирал пот с лица и давал треть скорости.

После одного бархана, за сорок километров от города, первая машина замолчала и остановилась. Нарцис подъехал к первой машине, когда Сергей сидел на песке и спокойно разглядывал машину.

— В чем дело?

— Ничего. Приехали. Подшипники рассыпались.

Нарцис посмотрел на подшипники и вытер руки.

— Ну, тогда давайте чай пить.

Воду вскипятили в медных персидских кувшинчиках. Разостлали брезент. Нам пока нечего бояться, так как есть еще другая машина.

Через пять минут мы тянулись на ней обратно к Ашхабаду. Там, у ворот Автопромторга, стоял директор и смотрел вдоль улицы.

— Вернулись? — спросил он.

— Да, — отвечал Сергей. — Опять, понимаешь, подшипник. Этого нужно было ожидать.

5

АЛЛО, Автопромторг? Нет, вы не Автопромторг, вы — недоразумение. Вы на шести колесах не можете ехать. А? Что котлы? Котлы могут потом. Важно доехать до завода? А? Хоть на дьяволе... Моральное значение. Наш караван пропал? Пропал. Люди ждут там? Ждут...

За окном серной конторы по ашхабадской улочке шли деловые прохожие и пролетали велосипеды, мостовая пахла свежестею, камнями и столицей. А по эту сторону витрины странно приутилось полпредство пустыни. В углу лежали ящики для каравана и почтовые посылки,

присланные рабочим. На одной из них была выведена надпись:

„Туркмения. Город Кара-Кума. Серный завод. Получить П. И. Макарову“.

Родственники Макарова не подозревали, что до невиданного города Кара-Кума почта идет так медленно... Тут же сидела жена одного рабочего и просила места в караване.

— Мы не имеем права посылать женщин. Женщин мы не берем, — неумолимо твердит директор завода Марли Мурал, туркмен с черными глазами. Он только что прибыл с серного завода и рассказывал, что их группа сбилась с тропы, у них иссякла вода. Их спас попавшийся навстречу кочевник. Ему пришлось восемь раз ездить к ближайшему колодцу с боченком, и восемь раз они выпивали боченок до дна, пока кочевник не вспух от ходьбы.

Пустыня проходила в город ежедневно в виде зноя и мириад песчинок. Тогда она ощущалась в зубах, и ее нужно было сплевывать каждую минуту.

Около Автопромторга стояла толпа людей и с любопытством заглядывала во двор.

Жара перескочила 50 градусов. Асфальт вздувался на тротуаре, лопался и прилипал к ногам.

Какой-то старик подошел к нам и предложил купить у него парочку-другую змей. Он сунул руку в мешок и действительно вынул оттуда целую связку змеек, таких извилистых, ядовитых и экзотических, что выглядели бы они нереально в любом очерке. Они болтались и высовывали языки. Прохожие сообщили нам, что укусы двух из них смертельны. Старик просил за свой странный товар от одного до двух рублей за штуку. Ничего нельзя сказать: змеи действительно в Ашхабаде сравнительно дешевы. Но змеи нам были нужны как раз меньше всего, поэтому мы поблагодарили старика и вошли в Автопромторг.

КАРТА Африки похожа на большую и неровную кожаную вык. ойку. Директор рассматривал ее с таким видом, будто он собрался сейчас ехать в Африку.

— Вот Алжир, — говорит он. — Да, это действительно что-нибудь значило.

Но что это значило — Алжир, когда сейчас был прорыв в постройке серного завода, прорыв в караванах, прорыв в автомобилях?.. От Алжира до серного завода проходило много стран и рек. Директор водил по ним карандашом и задумчиво рисовал чортиков.

Все стало понятным к вечеру. Вечером раскрылись ворота, и из них выехал директор, сидя за рулем необычайной французской машины на гусеничном ходу. Это была непонятная смесь трактора с дилижансом. Когда она шла, то скрежетала всеми своими частями. Директор — энтузиаст. Он выкопал где-то этот фантастический автомобиль после того, как он пересек всю Африку от Туниса до Алжира или наоборот. Теперь ее подправят, вычистят и попробуют на Кара-Кумах.

— Я же сказал, что у нас песок мелкий, — говорил он, возвращаясь. — Африка! Может быть там она и не буксовала...

... — А завтра, — сообщил директор, — мы делаем один блестящий опыт. Мы

пускаем до серных бугров легкового „Форда“. Я уверен, что „Форд“ побьет эту французскую гусеницу. А весь секрет в том, что он гораздо легче...

Разговор по телефону между горным отделом ВСНХ и серной конторой:

— ... Вам должно быть известно, что в опытный пробег брать людей — безумие... Категорически... Вам нужен груз? Наберите песку. Вам ведь не придется его покупать...

Еще раз произносится слово „безумие“ таким тоном, из которого ясно, что программа номер три безнадежно скончалась, что „Форд“ не так уж легко и, словом, нужно ехать в Геок-тепе нанять лошадей.

6

ЧЕРЕЗ два дня пришло сразу несколько известий. Легковой „Форд“, тот самый, который легче гусеницы, застрял где-то в песках. Он не пришел и обратно.

Но зато две грузовые машины „Рено-Сахара“ снова пойдут к заводу. Их всегда пускают только по две на случай несчастья с одной из них. И пески всегда видят эту странную пару бродящей вместе — роковья и смелая дружба двух железных детей индустрии.

Нарцису и Сергею и на этот раз поручили вести машины. Завтра — в пески, следовательно сегодня нужно итти в большие лавки раскаленного города искать консервы и сахар...

7

В песках, за 30 километров от города, стоял столбик, на нем висели умывальник и полотенце. Это было после нашего второго выезда в Кара-Кумы. Сперва мы не поняли, в чем дело. Песчаные бугры расположены таким образом, что не видно, что делается за десять шагов; рассказывают, что можно погибнуть в километре от колодца и жилищ.

Когда мы поднялись на бархан, то увидели продолжение столба. Там стояли палатки, у которых сидели люди. Дальше простиралось поистине замечательное зрелище: люди рыли дорогу.

Она ровной стрелой протянулась до горизонта, настолько ровной, что было даже странно видеть такую прямую линию в местах, где царствуют нагромождения песочных бугров, извилины ложбин и кусты саксаула — самого кривого из существующих растений. В мир бесформенных очертаний природы люди принесли геометрию культуры. Мы наконец увидели линию „Б“! Это был красивый пункир на кар е.

Люди в автомобильных очках, защищающих глаза от пыли, дорывались до грунта и утрамбовывали дорогу. Сзади ветер опять засыпал ее песком. Тогда люди возвращались и опять счищали песок.

Так начиналась великая дорога через Кара-Кумы. Я говорю — великая, потому что она прорежет пески от Ашхабада до серных бугров Чемерли и дальше на Ташауз, соединит с железной дорогой Хорезмский оазис и целую страну — Каракалтакую.

Она пройдет там, где сотни лет существовали только караванные тропы, она разрежет невероятную толщу экономических и бытовых наслоений пустыни. При нас она прошла только на двадцать километров, и ветер ежедневно портил человеческую работу.

Когда провели железную дорогу через Кара-Кум от Чарджуя до Ашхабада, где теперь ежедневно ходят поезда от Москвы, ветер тоже засыпал ее, шпалы уложили в пески, весь мир смотрел на горсточку людей, борющихся с пустыней в закаспийской глуши земного шара. Мир не верил в эту чудовищную магистраль. Тогда был предложен проект: путь от Чарджуя до Мерва построить в искусственном туннеле, чтобы защитить дорогу от песков. Тем не менее победили не пески, а упорная работа строителей. Была создана обычная дорога, с той только разницей, что здесь пассажиры в перерывах между станционными буфетами гонят по обе стороны голые и бушующие пески в таком виде, в каком они были еще в доисторические времена. Скорые, почтовые и товарные корабли пустыни здесь ходят по железным рельсам...

Люди в автомобильных очках останавливались и, положив руки на лопаты, махали нам руками. Мы им отвечали. Почему не приветствовать первых землекопов, роящих могилу старым Кара-Кумам?

— Куда вы едете? — спрашивали они.
— На серный завод.
— До Бохурдока?
— Нет, на самый серный завод.
— Ах, на самый, вот как? А мы думали — до Бохурдока.

Это было удивительно. Люди недоверчиво смотрели на тяжелые автоклавы и качали головами. Когда-то они сами дойдут до завода? Через год? Через два? А может быть скорее?

— Нам, видите ли, некогда ждать, пока вы проложите дорогу на завод, — шутим мы с машины, и Нарцис дает третью скорость.

О Бохурдоке мы слышали не первый раз. Бохурдок — здесь это звучит громко. Бохурдок — это база серного завода. Бохурдок — это первый отдых. Он лежит за 110 километров от Ашхабада. Бохурдок — это граница тяжелых песков. Досюда машины ходят регулярно, а дальше людей и строительные материалы везут на верблюдах. Бохурдок, — кто знает, — может быть это — будущий город.

Мы мысленно улыбаемся путнику недалекого будущего и просим его обязательно завернуть в Бохурдок. Может быть по прошествии времени, когда проложат дорогу, он найдет здесь гостиницу, купальни, постель и свежие газеты. Не зная...

К вечеру мы приехали в будущий город Бохурдок. Мы нашли в нем один колодец и одну туркменскую кибитку, заброшенную в беспредельных песках. В ней сидел заведующий базой и починая носки.

скрипа его нарт. Он наклонил ниже голову и, откинув ногу, вошел в чум. Приняв из рук Кэтер чашку, Весоко подумал:

«А может и верно виноваты женщины?»

В это время на другом конце становища широкие рога прекрасного ездового оленя охватила плотной удавкой петля аркана. Ременный аркан, сшитый из отрезков оленьих шкур, натянулся, и олень покорно пошел к нартам Хоке. Хоке, оглядываясь на крайний чум, запряг в нарты трех оленей.

— Я поеду, — сказал он старику-пастуху с трубкой в зубах, — я поеду к шаману. Я вижу, как гибнут олени и как погибнут все хазово. Шаман недалеко стоит с чумом. Пусть шаман поможет... А то готовые хальмеры (гробы), хазово...

— Хэй! — крикнул он на оленей, сразу подавшихся мохнатой грудью вперед, и понесся к шаманскому чуму, где таинственно гремит священный бубен и трепыхаются на деревьях высушенные ветром шкуры жертвенных оленей...

Молча сидят в чуме Весоко самоеды. Оленьим глазом краснеют трубки, из берестяных табакерок достают большие щепотки листового табаку и жадно суют их за губы...

— И русские не помогут нам... — тихо сказал кто-то.

— И Яумпе не придет, — с веселым смехом проговорил старик-пастух. — Он долго жил в фактории. Он и останется у русских. Зачем ему пропадать с нами?.. Русские обманули нас. Надо звать шамана. Он недалеко стоит с чумом...

— Хазово! — выкрикнул Весоко, оглядывая собравшихся колхозников. — Еще рано так жаловаться...

Дежурный пастух, оттолкнув самоеда, стоявшего у входа у поганого места, внося в чум охапку морозного воздуха, выдохнул:

— Важенки и бык из первого стада сдохли!..

Наступала третья ночь, в третий раз поднималась над застывшей в безмолвии тундрой желтая медовая луна...

Белеет снежный горизонт. Нет, не появляется на нем упряжки Яумпе. Не подбегут олени, не соскочит с нарт Яумпе и, воткнув в снег хорей, не скажет:

— Хазово! Русские шлют нам помощь!..

Вдруг Весоко вздрогнул; чутким ухом он уловил словно далекое гудение ветра — протяжный вой шаманского бубна. Весоко бросился к чуму Хоке. Откинув дырявую, лишенную шерсти ногу, он увидел рябого шамана Неруя с бубном в руках. Самоеды сидели около костра и смотрели на шамана в малице, украшенной разноцветными вышивками.

— Хазово! — крикнул Весоко. — Зачем от это сделать?

— А что? — зашумел торжествующе Хоке, — ждешь твоих русских, ждешь твоего Яумпе?

Кто-то потянул Весоко за рукав малицы. Весоко оглянулся. Кэтер говорила ему:

— Мой мужчина! Вон летит лимби (орел). Я пошла околачивать чум от снега и увидела лимби...

— Лимби? — тихо засмеялись сидевшие у входа самоеды. — Глупая женщина! Еще в тундре снег, еще копытами выбивают олени ягель... Еще всего поющий месяц.

— Это наверно облако, — сказал Весоко, взглянув на указанную Кэтер точку.

— Это снежное облако! — проговорил один из самоедов. — Видишь, как оно несется прямо на нас. Будет буран, он погубит последних наших оленей...

— Нет, это птица... — сказал старик-охотник, пробывавший в молодости стрелой навелет дикого оленя. — Это, конечно, лимби. Только лимби такой большой в тундре. Он первый прилетает весной в тундру...

Самоеды, забыв о шамане, высыпали из чума и смотрели на небо, на эту диковинную огромную птицу.

— Да, это лимби... Это лимби...

— Нет, это не лимби, — крикнул Весоко, — это железная птица русских. Разве вы не видите, какая она огромная? Это летят русские, они несут нам помощь...

И Весоко сразу стало жарко, точно он выпил чашку горячей тягучей оленьей крови. Сжав меж зубов большой палец, он не отрываясь следил за полетом удивительной птицы.

А ореховый пропеллер, ввинчиваясь в древний воздух тундры, рассекая его доисторическую неподвижность с гудением сотен шаманских бубнов, нес дерево, сталь, алюминий, людей, нес самолет все ближе и ближе к чумам. Бреющим полетом, так что тень самолета побежала по чумам, по испуганным оленям, по снегу, аэроплан сделал несколько кругов над становищем. Потом мотор умолк, и в наступившей внезапно тишине самолет, подсакивая на снежном поле тундры, остановился около брошенных с увязанными неводами нарт и арканов. Отбросив ноги, женщины с косами, узанскими медными пуговицами и красными тесемочками, смотрели из чумов. Самозды бросились к птице и с погасшими трубками стояли около этого волшебного лимби. Двери кабины открылись, на снег спрыгнул Яумпе Яр. И, хотя самоеды почти никогда не называют друг друга по имени, здесь вся толпа крикнула сразу:

— Яумпе!

Из передней застекленной кабины вылез летчик в шлеме, в очках и сказал ветеринару:

— Товарищ Чемеров! Никак заснули? Приехали уже.

— Ногу, понимаете, отсидел... — И в дверцах показалась фигура ветеринара в белом халте поверх малицы и с сумкой с синим крестом.

— Олень! Спасай олень! — кричал доктору, как глухому, Весоко.

— Ничего, мы их поставим на ноги, — ответил доктор.

Окружив ветеринара, самоеды шумной толпой побежали к стаду.

Птица сидела неподвижно. Летчик осматривал пропеллер. Из опустевшего чума Хоке к летчику подошел несмело рябой самоед в разукрашенной вышивками малице.

— Это что, лимби? — тихо спросил он, указывая на самолет.

— Какой лимби? — сказал, не оглядываясь, заметив какое-то повреждение, летчик. — Это «юнкерс».

— Это лимби, — прошептал рябой шаман и отошел прочь от колдовской, не вовремя, вопреки всем древним законам тундры, прилетевшей птицы. Рябой запряг не отдохнувших еще оленей и умчался в тундру. Только снежная пыль, заметая следы полозьев, провожала его нарты...

№ 4, СПЕЦИАЛЬНО ВОЕННОМ. ЧИТАЙ: „Война“ — А. ВЛАДИМИРОВ. „Комсомолец Андреев“ — А. СКАЙФА. „На берегу Кубани“ — К. КОВАЛЬЧУК и мн. др.

ХИБИНСКИЙ КЛАД

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Юрий МАРК
Рисунки Н. Кочергина

Нахутин вскрикнул от удивления. Перед его взором лежало ровное, овальной формы, замерзшее озеро Большой-воды. Справа дыбились крутые, почти неприступные взлеты Вудчорра. За ними, в туманной дымке, виднелись волнистые гребни Айкуайвентчорра и поодаль от него, прозавшая низко плывущие облака, голова Лисьего-хвоста. И, отделенный от Лисьего-хвоста Лопарской долиной, безликой снегов сверкала ровный, конусообразный Юкспор.

Здесь было подлинное царство великанов-гор. Точно собрались они со всех концов земли и торжественно окружили озеро, поблескивающее голубизной льда. Здесь были нетронутая суровость севера, абсолютная тишина и беспредельные ширь и простор.

Пока Нахутин осматривал оленей, Бабунцев и Борисов залезли в куваксу. Это была большая походная палатка конической формы. Деревянные шесты, воткнутые на равном расстоянии друг от друга в снег, были связаны сверху и обтянуты частью парусиной, частью оленьими шкурами. Внутри куваксы, на железном листе тлеет костер, над которым висел объемистый закопченный чайник. Вокруг костра, прямо на снег и бросаны были звериные шкуры и разная рухлядь. В куваксе пахло дымом и тухлым мясом.

Геолог переобулся, одел сухие носки и направился к выходу. Инспектор крикнул ему вслед:

— Закусите хоть на дорогу.

Геолог отмахнулся от него, точно от назойливой мухи, и вышел из куваксы. С облегчением глотнул свежего воздуха и, бросив на снег лыжи, быстро закрепил ремни вокруг сапог.

Двинулся он в путь легко, мелким размеренным шагом, точно и не висел за его спиной пудовый рюкзак. Осторожно лавируя среди разбросанных повсюду чумов и палаток, вышел в снежное

поле и, слегка сгибая колени, быстро заскользил к видневшимся невдалеке горам. Когда пересек долину, замедлил бег. Начинаясь неровная местность. Часто останавливаясь, для того чтоб выбрать наиболее удобный путь, Бабунцев медленно стал подниматься по отлогому подъему. Достигнув основания гор, на несколько минут присел на крутой, покрытый трещинами „бараний лоб“.¹ После короткого отдыха снова двинулся наверх.

Бабунцев поставил себе задачей обследовать стенки выемки, которая была заметна в горе еще из долины. Он рассчитал, что подъем к этой выемке займет не менее четырех часов и будет весьма труден, а поэтому не торопился и берег силы. Все чаще и чаще стали попадаться на пути отдельные крупные глыбы камня. Наконец подъем стал настолько крутым, что дальнейшее восхождение на гору стало возможным только при помощи „кошек“.

Геолог остановился, снял лыжи и, прикрепив к сапогам „кошки“ — шипы, снова двинулся вперед. Лыжи, палки и рюкзак он спрятал в расщелину меж камней.

Поднявшись по обедневшему полю до узкой ложбины, в которую опускалась выемка, Бабунцев закурил. Впереди лежала самая тяжелая часть пути. Нужно было по крутому руслу ложбины добраться до горла выемки, а потом, карабкаясь по отвесным, заснеженным скалам, постараться дотичь вершины горы. Бабунцев внимательно смерил глазами расстояние, которое нужно было преодолеть, и невольно смутился.

Точно ли он рассчитал свои силы? Хватит ли у него хладнокровия и выдержки взлезть наверх по этим почти отвесным каменным стенам? Не закружится ли у него над пропастью голова? Достаточно ли крепки его мускулы, чтоб преодолеть все эти хаотические изломы скал?

Геолог швырнул напирссу в снег и решительно двинулся вперед.

— Ведь лазал же он по непроходимым кручам Урала, Памира, Саян! Ведь приходилось же ему на Дальнем Востоке во время бури перебираться по веревочному подвесному мосту через бурный горный поток! Ведь мотался же он во время свирепого шторма по Байкалу!

Бабунцев ловко перепрыгнул через глубокую трещину, вскочил на громадный плоский валун и, цепляясь за скалы альпенштоком, полез наверх. На небольшой высоте его едва было не подвела оледяная глыба снега. Он вполз на нее на жвоте и остановился немного передохнуть, но внезапно почувствовал, что глыба медленно начинает сползать вниз. Стараясь не делать резких движений, геолог зацепил альпенштоком за выступ скалы и стал подтягиваться к ней на руках. Оледяная с ежная глыба, на которой он лежал всего несколько секунд тому назад, с шумом покатила в ложбину.

Начинало вечереть, а Бабунцев, казалось, попрежнему висел посреди отвесной каменной стены. Он продвигался вверх медленно, очень медленно. Иногда пять, даже десять минут уходило у него на отыскание подходящего уступа или трещины, за которые можно было бы уцепиться альпенштоком. Когда он достиг какой-либо узкой площадки или просто впадины, то несколько минут отдыхал, стараясь не глядеть вниз. Хотя Бабунцев был и опытным горняком, но пустота

¹ Бараний лоб — большой валун.

под ногами действовала на него удручающе. Пустота притягивала его, и он старался как можно реже оборачиваться лицом к долине.

Когда он вполз на остроуступчатый, казалось, совершенно недоступный утес, то сделал неожиданно радостное открытие. От утеса кверху в толще горы тянулась узкая трещина. Повидимому ее промыли бурные весенние воды. Леже трещины было покрыто сплошь гладким льдом, но ее неровные каменные стенки представляли собой как бы грубую дестину, которая тянулась до самой вершины. Передохнув немного, геолог снова полез вверх, руками и ногами цепляясь за отполированные водами скалы.

Неподалеку от вершины он попал в облыло. Боясь сорваться, Бабунцев привязался веревкой к каменной глыбе и решил выждать, пока облако не отделится от горы. От нечего делать он вынул из кармана маленький железный молоток и принялся откалывать от скал пробные куски. Мельком разглядев их, некоторые он клал в подвешенный к поясу кожаный мешочек, а остальные, не представлявшие сколько-нибудь выдающегося интереса, бросал. Неожиданно внимание его привлек выдававшийся из снега темнозеленатый камень. Геолог ударил по нему молотком, — камень раскололся на несколько частей. Бабунцев поднял один из осколков и принялся внимательно его разглядывать. Камень был красивой изумрудно-зеленой окраски. Он представлял собой кристалловидную, как бы спекшуюся массу мелких зернышек, а бока его напоминали мрамор светлозеленоватого и даже желтоватого оттенка. Бабунцев сжал камень пальцами и увидел, что минерал этот крошится на мелкие кристаллы.

— Что за чудеса! — изумленно пробурчал геолог. — Неужели это...

Он не договорил и снова принялся разглядывать отдельные кусочки минерала.

Незаметно облако отделилось от горы и поплыло по воздуху над долиной. Стало светлей. Бабунцев бережно уложил заинтересовавшие его осколки в мешочек и возобновил подъем. Он хвостом отдохнул и поэтому без особых усилий добрался до вершины. Когда ступил на нее, то, пораженный, остановился.

Перед ним была ровная, в полквadrатного километра площадка. Она была покрыта толстым слоем оледневшего снега. Под косыми лучами полярного солнца снег окрашен был в яркокрасный цвет, переходящий местами в багровый. Геологу показалось, что вершина залита раскаленной лавой, объята языками пламени. Он машинально отступил, но сразу же рассмеялся.

— Фу ты, елки-палки! Точно ребенок испугался.

Присел на корточки и наклонил голову. Площадка оказалась окрашенной в бледно-розовые тона. Геолог приседал ниже, выпрямлялся, и каждый раз, когда он менял положение тела, вершина оказывалась окрашенной все в новый и новый цвет. Это был оптический обман, игра природы, которую редко удается наблюдать даже на севере. И геолог наслаждался этим зрелищем, совсем позабыв о цели своего прихода.

Неожиданный порыв ветра напомнил ему о действительности. Ветер подул

¹ Пробные куски — небольшие осколки минералов, которые исследуются после экспедиции в лабораториях.

сразу сильный. Небезопасно стало оставаться на ровной оледяной вершине, с которой начинавшийся ураган легко мог снести человека вниз. Так как геолог во что бы то ни стало решил исследовать отвесные стены впадины, замеченной им из долины, то он осторожно пересек вершинную площадку и заглянул вниз. Под ним была впадина. Стенки ее были не столь отвесны, как это казалось из долины, и ученый принялся осторожно спускаться вниз, поминутно останавливаясь, чтобы откалывать пробные осколки. Однообразие породы и удивило и обрадовало геолога. Всюду, где только он мог ударить своим молотком, откалывались от скал рассыпчатые куски зеленоватого минерала. Казалось, вся гора состояла из него.

Наконец мешочек переполнился. Пора было думать о возвращении. Бабунцев спрятал в карман молоток, мешочек перекинул за плечо и полез отыскивать удобный спуск. Не прошел и двадцати метров, как заметил ровно покрытую снегом покатость, спускающуюся до самого предгорного плато. Лучшего спуска нельзя было и требовать. Геолог видел, как спускались с Варак-гор лопарские ребятишки, и решил последовать их примеру. Сел на снег, покрепче натянул на уши шапку и оттолкнулся альпенштоком. Тело его легко заскользило вниз по спуску. Он летел все быстрее и быстрее. Одинокие ели, росшие на предгорьях, двигались ему навстречу со все возрастающей быстротой. Он разогнался слишком быстро и поэтому попытался затормозить альпенштоком. Заскользил медленней. Попробовал остановиться и после нескольких тщетных попыток остановиться наконец. За каких-нибудь две минуты геолог пролетел не менее трехсот метров. Предгорное плато было расположено совсем близко под ним.

Бабунцев снова оттолкнулся альпенштоком и, поднимая за собой клубы сухого снега, быстро спустился в преддверье долины.

Отыскав зияющие меж камнями лыжи и, весело посвистывая, побежал по сверкающему снежному полю к лопарскому стойбищу.

Дядя Саша встретил геолога у входа в куваксу. Дядя Саша держал в руках огромный ломоть оленьего сала и аппетитно уплетал его за обе щеки.

— Ты, Федорыч, никак рехнулся! — закричал лопарь, увидев приближающегося геолога. — И зачем носило тебя на вершину Расвумчорра? Еще бы час пробыл там, и как милого ветер снес бы тебя в пропасть. Смотри, что творится сейчас на вершине, — указал лопарь в сторону гор.

Геолог обернулся. Пушистыми стадами носились над вершинами снежные вихри. Они то мели по склонам, то взметывались кверху, то грозными лавинами ниспадали в ущелья. На вершинах гор свирепствовал ураган.

— И чего искал ты там? — не мог успокоиться лопарь. — Ягель? Дичь? Или камни свои?

— Камни, дядя Саша.

— Так ведь привез я тебе с Ловозерской тундры и земли и камней. Разных сортов привез. Неужто мало тебе?

— То из Ловозерской, а я искал зеленые.

— Небось дорогие гашел? — насмешливо сощурился лопарь.

— Бесценные, дядя Саша.

Лопарь сразу стал серьезен. Он знал, что Бабунцев никогда не шутит.

ХИБИНЫ СЕГОДНЯ

● В 1-м Стройуправлении работает техник Н. Н. Волков. За время своего пребывания в Хибинах ему пришлось участвовать в постройке крупнейших объектов — обогатительная фабрика, гараж, ФЗУ, банно-прачечный комбинат и пр., и на каждом из них он применял различные усовершенствования, сэкономившие для производства в общей сложности десятки тысяч рублей.

Оба корпуса гаража предполагалось по проекту построить на одной высоте. Тов. Волков предложил поставить один корпус выше другого, благодаря чему на земляные работы фактически было затрачено 6477 рублей, тогда как по смете эти затраты должны были составить 25 350 рублей.

На постройке обогатительной фабрики тов. Волков применил комбинированную механическую установку строительной машины. Экономия за три месяца работы выразилась в сумме 5755 рублей. Самопрокидывающийся подъемник для подачи бетона во второй этаж, установленный при постройке обогатительной фабрики, дал экономии в размере 11 795 рублей. Кроме того, Волковым был внесен еще ряд рационализаторских предложений (например открытие песочного карьера вблизи вновь строящихся каменных домов, где можно будет подавать песок на постройку без приложения лошадиной силы). За свои предложения товарищ Волков был неоднократно премирован.

● Бригадиром-выдвиженцем к заводской мастерской тов. Масловым сконструирован новый тип печи, снабженной регулируемыми поступлением воздуха клапанами. Применение печей конструкции Маслова в Хибинских условиях дает годовую экономию топлива в 13 800 рублей; за это изобретение Маслов получил премию 600 рублей.

● Академия наук СССР утвердила план организации в Хибингорске ботанического сада горной и полярной растительности. Весной 1932 года будут начаты работы по разбивке парка на территории сада (северо-западный берег озера Большой Вуд-явр). Население Хибин и пролетарские туристы из других районов Союза уже этим летом смогут учиться и отдыхать в парке. Для помощи в организации ботанического сада в начале лета Ботанический сад Академии командует в Хибингорск крупнейший специалист в ботанике — Ботанический институт Академии наук СССР — крупнейшее научное ботаническое учреждение мира — взял под свое научное шефство будущий сад.

● Горжилсоюз приступает к стройке каменных домов. На строительство ассигновано около 3 миллионов рублей. К концу 1932 года должно быть построено 14 каменных домов.

В настоящее время жилищкооперация обладает следующим жилым фондом: «Заполярный горняк» имеет в Кукивумчоррском поселке 13 стандартных домов. Хибинжилкоопстрой имеет 7 рубленых домов в Хибингорске и 32 стандартных дома в Айкуайвентчоррском поселке.

— То есть как это бесценные? Объясни.

— Нашел, дядя Саша, такие камни, что если окажется их в горах много, то через год-два не узнаешь ты здешних мест. Если окажется в горах много этих камней, то в долине через год-два вырастет горол, вокруг него раскинутся заводы, фабрики, в горах заработают рудники. По ущельям проложат железную дорогу, ты будешь жить в каменной тупе,¹ и кругом будет столько народу, сколько можно поселить в пяти Мурмансках.

— Это здесь-то? — топнул лопарь ногой по снегу. От неожиданности он даже уронил свою поиду, которую на лету подхватила одна из кружившихся вокруг куваксы лаек. — Это здесь-то будет город? — повторил лопарь. — Каменные тупы, железная дорога и в пять раз больше, чем в Мурманске, людей?

Кобелев расхохотался. Он смеялся долго, и геолог молча смотрел на него. Потом неожиданно лопарь перестал смеяться и, выступив вперед, торжественно поднял руку.

— Послушай, Николай Федорыч! Ведь кругом нас камни, лед, снег. И во всей тундре так. Хмурое место наш Уптэк — тундра. Испоко́н веков живут в Уптэке лопари, дикие звери да холод. В нашем краю могут жить только привычные люди. Ты крепкий, здоровый человек и то покрываешься, как ездичь со мной по тундре. Что же станут делать здесь городские люди? Ведь не привыкли они к походной жизни, избалованы они! Разве приятно будет человеку, привыкшему ездить по удобной железной дороге, бегать на лыжах? Разве выдержат городские люди наши холода и бури? Разве не разболается у них животы от сырого мяса, которое даже ты с трудом перевариваешь? Да не выдержат они здесь и десяти дней и убегут к железной дороге, и уедут в привычные места. Испоко́н веков хозяевами тундры были лопари, и покуда здесь холод, лед и снег, хозяевами мы и останемся. Уж живите вы в своих городах, грейтесь в теплых тупах, ешьте вареное мясо, а к нам не суйтесь. Так-то оно, Федорыч!

— Ты не прав, дядя Саша, — ответил Бабунцев. — Мы не побоймся никаких трудностей, холода да снега нас не остановят. И мы построим для вас школы, больницы, клубы, кооперативы, мы построим для вас то, чего вы и в Мурманске не видели.

— Не верно, Федорыч! Невыполнимое дело затеяли! Не осилите.

Бабунцев ответил лопарю не сразу. Он задумчиво оглядел долину, остановил взор на противоположном берегу Вудьявра, озера Большой-воды, и после длительного раздумья протянул наконец вперед руку.

— Нет, осилим! Видишь тот берег, дядя Саша, сбоку которого вытекает из озера Гремящий ручей?

— Вижу.

— Так вот на том берегу будет город. Настоящий город, с фабриками, заводами, кооперативами, школами, клубом, электростанцией и каменными тупами. И к городу протянется железная дорога.

— И скоро это будет? — спросил лопарь.

— Не позже, чем через два года.

— Федорыч! Ты мужчина и я мужчина. Если через два года на том берегу будет город, отыщи меня и назови глупой бабой. Я даже сам приеду к тебе...

— И я назову тебя глупой бабой, — закончил геолог.

¹ Тупа — теплая (зимняя) бревенчатая изба.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БАБУНЦЕВ и химик Платонов столкнулись у лаборатории. Платонов был явно возбужден. Увидев Бабунцева, он в испуге заржал:

— Победа! Победа, черт меня подери! Я исследовал все, понимаете, все образцы, которые вы прислали, и получил прямо-таки умопомрачительные результаты. В наших камешках заключаются неисчерпаемые запасы фосфора. А так как, сами знаете, фосфор является одной из главных составных частей искусственного удобрения — суперфосфата, то должны понять, какую революцию в нашем сельском хозяйстве вызовет добыча и эксплуатация этой руды. Ведь до сих пор мы ввозим фосфориты из-за границы, главным образом из Марокко. По пятилетнему плану мы должны были купить их на 13 миллионов золотых рублей. А в открытой вами руде — пятьдесят-шестьдесят процентов апатита, минерала, самого богатого фосфором. Да мы теперь наплюем на заграничку. Мы копейки не дадим им за марокканское барахло и сами еще будем продавать удобрения.

— Захар Ильич! Это явь или сон?

— Какой уж там сон! В этом сне пятьдесят-шестьдесят процентов апатита, сорок три процента нефелина, тоже очень ценного для промышленности минерала, и наконец остальные десять процентов сфена, роговой обманки, эгерина и титано-магнетита. Одним словом, эти камни для нас дороже золота. Это клад для нашей промышленности.

Химик умолк, а потом со страхом спросил:

— Надеюсь, это не случайные образцы. Их, этих камней, этой руды, там много? Геолог неуверенно пожал плечами.

— Я не имел времени и средств продолжать изыскания. Несколько дней в тундре свирепствовал ураган, и мне пришлось по-доброму по-здорову убираться во-своих. Но то, что я видел, — а я видел сплошные утесы и скалы из этого минерала, — заставляет думать, что тундра богата апатитом.

— Батенька мой! Этого дела бросать нельзя. Пойдемте к академику Гросману. Доложим о находке и хоть лопнем, а добьемся посылки в тундру исследовательской экспедиции.

— Правильно, — согласился Бабунцев. — И хотя я несколько месяцев болтался по северу, но хоть завтра с величайшим удовольствием приму участие в этой экспедиции.

ЗАСЕДАНИЕ по вопросу о хибинском апатите продолжалось несколько часов. Единогласно решено было послать в тундру специальную исследовательскую экспедицию.

— У нас мало денег, — сообщил академик Гросман, — но несколько тысяч на снаряжение экспедиции мы все же выкроим. Начальником экспедиции предлагаю назначить Николая Федоровича. Думаю, что он в двухдекадный срок сумеет подобрать штаты и закупить необходимое снаряжение.

— Постараюсь это сделать, — ответил Бабунцев, — но не ручаюсь, что управлюсь в две недели. Трудно будет подобрать штаты. Любителей ехать в тундру, боюсь, найдется не много.

— Насколько я помню, — снова заговорил Гросман, — в прошлом году вы читали лекции студентам старших курсов. Кроме того вы не раз ездили вместе с ними на практику. Я знаю, что у вас громадные

знакомства среди молодежи. Почему бы не попытаться счастья? Ребятки среди них есть напористые, энергичные, — не только в тундре проживут, а и на северном полюсе.

— Это идея! Обязательно наведаюсь к ним. Сегодня же.

Пообедав, геолог поехал во вторую студенческую коммуны. Помещалась она в отдельном доме-особняке на канале Грибоедова.

По дороге Бабунцев обдумал план действий. Геолог перебрал в уме всех бывших своих учеников и остановился на нескольких из них. Месеров, Боголюбов, Житков, — они, казалось, созданы были для участия в предстоящей экспедиции.

Геолог слез с трамвая на Покровской площади и пошел по проспекту Маклина. До общежития оставалось не больше 10—15 минут ходьбы. Свернул на канал Грибоедова и, ускорив шаг, вошел в покосившиеся деревянные ворота.

Двор и лестница не были освещены. Геолог ошупью пробрался во второй этаж и без стука вошел в общежитие.

Длинный, тускло освещенный коридор делил здание на две части. По бокам коридора с одной стороны помещались спальни, с другой — столовая, библиотека, комната отдыха и рабочие кабинеты.

Дошел по коридору до двери, на которой красовался пестрый плакат:

Комната отдыха

— Товарищ Бабунцев!

— Дядя Коля!

К ученому протянулось сразу несколько рук. Он внимательно оглядел столпившихся вокруг него комсомольцев-студентов. Все старые знакомые: долговязый Костя Сорокин, жизнерадостный Валентин Житков, Петр Месеров, Павлушка Сергеев, Костя Боголюбов — будущие химики, строители, геологи, пегрографы, инженеры различных специальностей. Вот где кадры для его экспедиции! Вот где подлинные спутники, удачно сочетающие в себе молодость, силу и знания!

— Здравствуйте, товарищи, здравствуйте! А я думал — и не признаете!

— Брось скромничать, дядя Коля!

— Тебя да не признают!

— Плюхайся на почетное!

Почетным местом был единственный студ, одиноко маячивший среди некрашенных табуреток. Бабунцева усадили на него и засыпали ворохом вопросов.

— Давно с севера?

— Новости интересные наверно привезли?

— Выкладывай, дядя Коля!

Бабунцев нарочно медлил. Он внимательно оглядел комнату и остановил свой взор на развешанных по стенам картах.

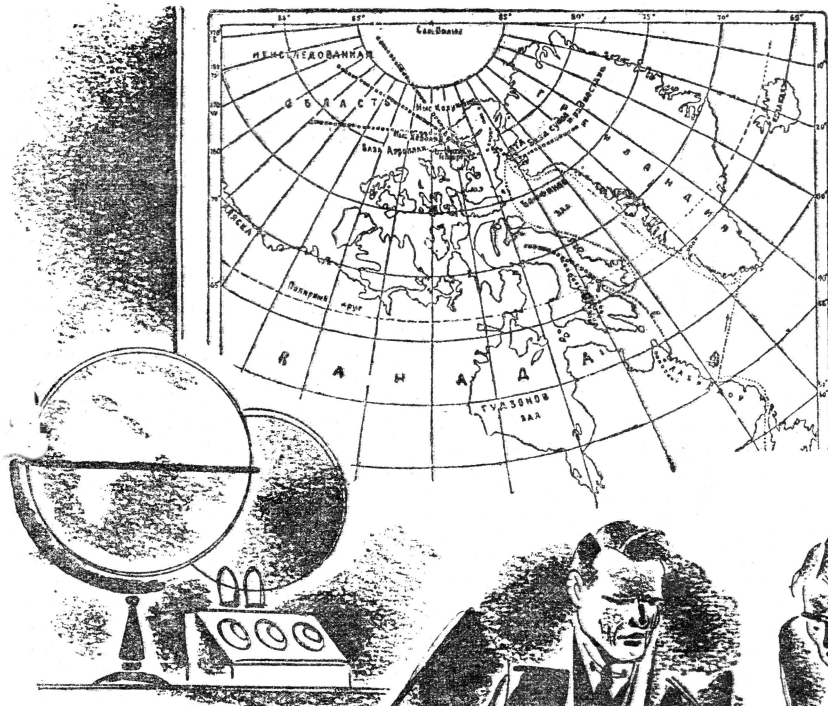
— Где на практике-то были?

— Ты, дядя Коля, нам голову не морочь, — перебил геолога Житков. — Знаем твою привычку, — будешь тянуть, о разной ерунде расспрашивать. Выкладывай лучше о себе, о своей работе. Ведь не виделись больше года.

— Ишь вы какие поспешалые! И опомнитесь не даете! А может быть у меня глотка пересохла. Может быть я чаю хочу? А?

Мигом появился перед геологом чай.

— Итак, товарищи, пробыл я в Карелии и Мурманском округе около полугода, занимался там самыми разнообразными делами, но главным образом геологическими изысканиями. Если бы вы дали

мне карту Кольского полуострова, я смог бы быстро продемонстрировать перед вами кое-что.

Не успел геолог закончить последнюю фразу, как на столе перед ним появилась многокрасочная карта. Геолог указал пальцем.

— Вот в этой точке, например, между Имандрой и Кемью, мне пришлось наблюдать очень интересный промысел — добычу жемчуга и перламутра. Потребность в перламутровом сырье достигает в СССР до 500 тонн в год, нам приходится везти его ежегодно на 2—2,2 миллиона золотых рублей из-за границы. Теперь же на полярных реках организуются, если можно так выразиться, «жемчужные и перламутровые совхозы», которые будут заниматься искусственным разведением раковин-перловиц. Не пройдет и нескольких лет, как полярные реки снабдят наши фабрики перламутровым сырьем и даже жемчугом.

«Не менее интересно на Кольском полуострове и животноводство. Разводят лопари исключительно оленей. В европейских тундрах, например в Большеземельской, Малоземельской, Капинской и Тиманской, насчитывается сейчас около 600 000 оленей. Это громадное стадо приносит нашему хозяйству неисчислимые выгоды.

«О богатствах Кольского полуострова можно рассказать многое. Я видел бесконечные заросли корабельного леса, побывал на слюдяных рудниках, охотился на ценнейшего пушного зверя, видел, как на озере Чюсальма крестьяне из-под воды добывают железную руду, побывал на рыбных, тюленьих и прочих промыслах. Но самое интересное открытие мне повезло сделать на обратном пути в Ленинград. Кое-кто из нас слышал наверно о так называемых Хибинских

тундрах. Они высятся на середине Кольского полуострова, между Белым морем и Ледовитым океаном, а вокруг них тянется беспредельная зыбкая тайга, кое-где сверкающая на солнце гладью рек, болот и озер. Мурманская железная дорога на протяжении около сорока километров опоясывает с запада Хибинский массив, но несмотря на это Хибины до сего времени почти совсем не изучены. Так вот, возвращаясь неделю тому назад из Мурманска, я решил попутно исследовать гору Расвумчорр, что находится посреди Хибинского массива. Мне удалось добраться до ее вершины и спуститься вниз по неисследованному еще склону. Я брал, конечно, образцы минералов и пород, и как вы думаете, каков оказался их химический состав? Минералогический состав пробных кусков породы — 50—60% апатита и 30—40% нефелина. Остальное — эгерия, титано-магнетит и так далее».

— Фосфатные удобрения? — первым догадался Месеров.

— Вот именно! Богатейшие фосфорные месторождения. Неисчерпаемое плодородие для наших полей. И все это на поверхности гор. Приходи, откалывай куски и вези на фабрики для переработки. Если залежи окажутся выгодными для

промышленной разработки, наше сельское хозяйство перестроится скорей, чем это намечено по пятилетнему плану.

— Николай Федорович! — крикнул Месеров. — Ведь вы сделали величайшее открытие!

— Итак, товарищи, — не отвечая на слова Месерова, обратился геолог к студентам, — общее положение дела для вас ясно. На сегодняшнем совещании у академика Гросмана решено отправить в Хибины изыскательскую экспедицию, руководить которой буду я. Экспедиции придется работать в очень тяжелых условиях. И вот поэтому-то я и приглашаю некоторых из вас принять в ней участие в качестве научных сотрудников. Вам, молодым ученым и инженерам, не хватает самого главного, не хватает практики. Хибинская тундра даст вам эту практику. Придется работать. Придется

работать долго и упорно. Придется испытать массу лишений. Но зато впереди нас ждут заманчивые перспективы. Если находка апатита подтвердится, — а она подтвердится навязка, — то через несколько лет в Хибинской тундре вырастет новый промышленный центр. Вы подумайте только! Промышленный центр за полярным кругом! Мы суровую тунду...

Студенты повскакали со своих мест. Заговорили, закричали все сразу. Поднялся невообразимый шум.

— Приветствую...

— Согласен на все сто...

— Качать дядю Колю!..

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕД. №

К ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
ИСПОЛКОМА
КОММУНИСТИ-
ЧЕСКОГО ИНТЕР-
НАЦИОНАЛА
МОЛОДЕЖИ

В юношей из Скоттсборо обречены на казнь на электрическом стуле 6 апреля. Верховный суд штата Алабама, несмотря на протесты трудящихся масс всего мира, не принял никаких мер против бесстыдного решения суда в Скоттсборо.

Около года назад эти 8 молодых негров были приговорены к смертной казни по ложному обвинению; с тех пор они в тюрьме Кильби ждут исполнения приговора.

В чем обвиняются эти 8 негров? За что правящие классы хотят их посадить на электрический стул? Эти 8 юношей в последнем письме, недавно полученном из камеры смертников, сами отвечают на этот вопрос: „Мы приговорены к смерти за то, чего мы никогда не делали. Только потому, что мы рабочие, и рабочие-негры, мы должны умереть. Все мы моложе 20 лет. Одному из нас 13, другому — 14 лет. Мы и наши товарищи голодали. Мы хотели помочь им и себе и в поисках работы сели на товарный поезд, идущий в Мобиле, откуда нас стащили разъяренная толпа“.

Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала молодежи призывает всех молодых рабочих, белых и негров, в капиталистических странах протестовать против попытки позорного убийства 8 юных негров, требуя их немедленного освобождения.

Юные негры-рабочие САСШ! Сражайтесь до конца с растущим террором! Защищайте ваших товарищей негров от новой волны линчеваний и преследований! Сплотитесь для борьбы против подготовки войны.

Молодые трудящиеся всего мира, организуйте демонстрации перед зданиями американских консульств, перед американскими фабриками, плантациями и другими предприятиями в ваших странах!

Долой гуверновское правительство голода!

Долой линчевание и угнетение негритянских масс!

Долой фашистский террор и подготовку войны капиталистами!

За единство белой и негритянской рабочей молодежи в борьбе за права негров!

Защищайте китайский народ и СССР от нападения империалистических держав!

Д Н Е В Н И К П Е Р В Е Н Е Ц

КОГДА прожгли кислородом чугунные литки, лица людей посветлели. Тут же над желобами с идущим расплавленным чугуном люди жали друг другу руки. Ослепительно струились потоки чугуна.

Начальник строительства, тов. Гукель взяла телефонную трубку прямого провода Магнитная — Москва.

„Магнитогорск I/II—1932 г. (Молния).“

Семнадцатой партконференции, тов. Сталину, тов. Орджоникидзе, тов. Швернику, тов. Кабакову.

Первого февраля в 19 часов 30 минут подучен первый чугун магнитогорской домны № 1. Домна работает нормально. Ослаживающие механизмы, хозяйство исправны.

Начстроительство Гукель. Секретарь горкома Карлин. Предзавкома металлистов Старожилков.

Первый чугун оказался блестящего качества. Он был торжественно зачислен в сорт № 0. Домна является одной из величайших в мире. Такого объема печи имеются только на заводе Герри в САСШ.

Первенец УКК заработал. Кстати сказать, этот первенец в год даст чугуна больше, чем три крупнейших украинских металлургических завода (завод им. Петровского, завод им. Рыкова, им. Томского).

На международном партсъезде большевики решили строить Урало-Кузнецкий комбинат.

На семнадцатой партконференции первый чугун УКК — на столе президиума.

Через полтора года слово партии воплотилось в величавые очертания мирового комбината.

Американские специалисты, работающие на Магнитогорске, настоятельно советовали отложить пуск домны до хорошей погоды, т.-е. до весны.

Когда многотысячный коллектив строителей Магнитогорского гиганта в ответ твердо заявил: „Зимние месяцы не должны выпасть из промплана пятилетки“, — янки пожалы плечами.

Когда домна в свирепый холод уральской зимы дала первый чугун, янки опять пожалы плечами. Питомцам доллара частенько придется повторять этот жест. Роли переменялись. Пресловутые американские темпы и рекорды, подогреваемые долларами, уступили место большевистским. Рекорды рабочего класса Советской страны рождаются от ленинской воли и беспримерного энтузиазма масс, твердо строящих социализм.

„На отрогах Урала горячая стройка продолжается. Комсомольцы Магнитогорска готовят к пуску домну № 2 — комсомольскую“.

МИРОВОЕ ОТКРЫТИЕ

АКАДЕМИК удивительно спокойным голосом рассказывал вещи, которые совершают целый переворот в электротехнике нашего века. Делегаты семнадцатой партконференции напряженно слушали о величайшем открытии, рожденном в стране строящегося социализма.

„Глубокая теоретическая постановка вопроса о колебаниях выяснила возможность совершенно нового способа возбуждения колебаний электромагнитных и электрических токов. Это дало возможность создать совершенно новый тип электродвигателя, в котором самая дорогая часть — ротор динамомашин со сложными обмотками — заменена простым алюминиевым диском. Получается необычайно легкая, дешевая и простая по выполнению машина.“

Этот новый тип машины представляет один из крупнейших переворотов в электротехнике за весь XX век...

Налицо величайшее мировое открытие советской техники. Открытие, еще раз подчеркивающее гигантские творческие возможности в СССР. Светлый легкий металл — алюминий — нашел еще одно применение в промышленности.

Это открытие позволит нам сэкономить десятки миллионов рублей ежегодно.

При гигантском росте электрификации страны открытие приобретает особое значение.

Уменьшение веса и объема динамомашин значительно разгрузит наш транспорт.

Сообщение академика Иоффе уже вызвало истерический вопль в навозной куче продажной буржуазной прессы. Так, например, газета „Матэн“ заявляет, что безроторные машины являются очередной уткой. Мы не знаем, будет ли внешнее сходство у будущих безроторных советских электромашин с утками. Во всяком случае даже внешне утконоподобные безроторные электромашины еще раз прищелят живой язык продажных писак.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
«ПРАВДА» Сектор «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА». Ответственный редактор А. ПОНЕВЕЖСКИЙ. Зав. редакцией И. БРАЖНИН. Руководит оформлением и технической частью журнала М. ЛОСКУТОВ.

Ленгорлит № 37769. Бумага 62x94. Количество знаков в 1 листе 87.810. Тираж 182.700 экз. Печатных листов 3. Заказ № 5599. Л. 50. Опиз. № 1. Сдано в производство 13—III. Подписано к печати 26—III. Типография им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57.

Вокруг Света

Выходит 2 раза в месяц

Большевики делают новую географию, строят реки, каналы, озера, осушают бесплодные болота, орошают пустыни. Камско-Печорский и Волго-Донской водные пути соединяют Черное море с Северным ледовитым морем. В далекой Сибири зажгутся огни Ангары, превышающей по мощности Днепро-строй в двадцать раз. **„ВОКРУГ СВЕТА“** расскажет на своих страницах о новых стройках, о новых заводах, электростанциях, о борьбе советских пролетариев и советских ученых с засухой, песками, об освоении солнечной энергии и ветра.

В Таджикистане, в Казанстане, в Дагестане, в Карелии, в Якутии, на далеких окраинах идет стройка. Молодежь окраин включилась в трудную борьбу за новый советский быт, за новые формы жизни на наших окраинах. **„ВОКРУГ СВЕТА“** расскажет об этой героической борьбе, расскажет о людях, которые ее ведут.

О гражданской войне расскажут на страницах **„ВОКРУГ СВЕТА“** ее участники, ее герои в своих воспоминаниях.

Под Москвой уголь, под Ленинградом торф, под Курском железо. Каждая республика, каждая область хранит в своих недрах неисчислимые запасы полезных ископаемых. Мы должны их разведать и добыть. Мы должны изучать свой край. Молодежь, комсомольцы должны быть передовым отрядом разведчиков-краеведов.

В Институте народов Севера учится больше ста молодых чукчей, тунгусов, юкагир. Они пришли из тайги, от далекого Берингова моря, от прибрежий холодного океана. Они пришли в Ленинград за тысячи километров. Они расскажут на страницах журнала **„ВОКРУГ СВЕТА“** о работе Советов за полярным кругом.

Комсомольская экспедиция в Гренландию отправляется в 1932 г. Комсомол включается в поход за освоение Арктики. **„ВОКРУГ СВЕТА“** уделяет большое внимание научно-исследовательской работе советских и зарубежных ученых, дает большой материал об экспедициях, путешествиях и открытиях.

О второй пятилетке, о каменном угле, железе, золоте, меди, нефелине, скрытых в горах и долинах нашей страны, о странах совсем нам неизвестных, о далеких колониях, о борьбе и жизни зарубежного комсомола —

обо всем этом расскажет своему читателю в занимательной, интересной форме **„ВОКРУГ СВЕТА“**, журнал революционной романтики, краеведения, экспедиций, путешествий и научных открытий.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 4 руб. 50 коп., на 6 мес. — 2 руб. 25 коп., на 3 мес. — 1 руб. 15 коп.
Цена отдельного номера 20 коп.

Подписка принимается всеми организаторами подписки на заводах и фабриках, во всех почтовых отделениях, письмоносцами, ячейковыми работниками по комсомольской печати и уполномоченными „Комсомольской правды“.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Сектор „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА КОМСОМОЛЬСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Ю Н Ы Й КОММУНИСТ

Политико-теоретический журнал ЦК ВЛКСМ для актива

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

Руководящий политико-теоретический двухнедельник ЦК ВЛКСМ. Рассчитан на руководящий актив комсомола.

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

— Твердо борется за генеральную линию партии, мобилизуя своих читателей на борьбу с уклонами.

— Помогает комсомольскому активу теоретически осмыслить практику союзной работы, разрабатывает злободневные проблемы комсомольского движения,

связанные с вступлением СССР в период социализма, и последний этап непа.

— Будет разрабатывать вопросы борьбы за кадры для промышленности и сельского хозяйства, проблему кадров для 2-й пятилетки, вопросы политической, технической, военной учебы комсомола.

— Освещает вопросы международного юношеского движения, задачи ИК и КИМ.

— Привлекает к работе в журнале лучшие силы актива ЦК ВЛКСМ, ИККИМ, а также Комкакадемии.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м. — 50 к., на 3 м. — 1 р. 50 к., на 6 м. — 3 р., на 12 м. — 6 р.

Цена отдельного номера — 25 коп.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

С М Е Н А

Массовый иллюстрированный, литературно художественный и общественно-политический журнал рабочей молодежи.

Выходит 2 раза в месяц

С М Е Н А

В 1932 году выходит в увеличенном объеме и будет оформляться лучшими художественными силами.

— Показывает в строительстве социализма лучших ударников-комсомольцев и передовую рабочую молодежь.

— Отображает классовую борьбу рабочей молодежи в капиталистических странах и колониях.

— Освещает актуальные проблемы культуры и быта всех национальных республик и областей СССР.

— Печатает лучшие рассказы, стихи и очерки пролетарских писателей и ударников, призывая к литературе.

— Будет ставить проблемы творческого метода и знакомить своего читателя с литературной политикой партии и комсомола.

— В 1932 году вводит ряд новых отделов, где будет освещать последние достижения науки, техники и искусства.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 м. — 50 к., на 3 м. — 1 р. 50 к., на 6 м. — 3 р., на 12 м. — 6 р.

Цена отдельного номера — 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

всеми организаторами подшепки на заводах и фабриках, во всех почтовых отделениях, письменнослужащими, ячейковыми работниками во комсомольской печати и уполномоченными „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ“